
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1 (Шолохов)+398.591
ББК 83.3(2Рос=Рус) 6+82.3(2Рос=Рус)

А.Л. Топорков

Воинские заговоры из «Тихого Дона»: источники, структура, функции

В статье анализируется подборка воинских заговоров, включённых в состав «Тихого Дона». Автор выдвигает гипотезу о том, что Шолохов использовал тексты из трёх источников: сборника заговоров донских казаков, опубликованного Л.Н. Майковым (1891), заговоров из книги «Сказания русского народа» И.П. Сахарова и из какой-то неизвестной нам рукописи.

Ключевые слова: М.А. Шолохов; роман «Тихий Дон»; воинские заговоры; фольклор; рукописная традиция; казаки.

Подборка воинских заговоров, включённых в состав «Тихого Дона», неоднократно привлекала внимание исследователей. Несмотря на то что к этой теме обращались опытные фольклористы, они приходили к противоречивым выводам. Например, знаток народного творчества донских казаков Б.Н. Проценко полагал, что М.А. Шолохов использовал публикации В. Орлова (1879) и Л.Н. Майкова (1891) и творчески доработал их (Проценко 1998:252–255; Проценко 2003:131–133). Нижегородский исследователь А.В. Коровашко был уверен в том, что у М.А. Шолохова был какой-то рукописный сборник заговоров, который он и внёс в текст романа, не подвергая существенной правке (Коровашко 2009:283). Специалист по древнерусской литературе А.Г. Бобров предположил, что заговоры из «Тихого Дона» имеют севернорусское происхождение и не могли быть скопированы М.А. Шолоховым ни из рукописи, ни из какой-нибудь публикации (Бобров 2012; Бобров 2012а). Таким образом, вопрос о том, что представляют собой интересующие нас тексты, до сих пор остаётся дискуссионным. Согласно одному мнению, это литературная стилизация на основе заговоров, опубликованных В. Орловым и Л.Н. Майковым, согласно другому — аутентичные тексты из какой-то не сохранившейся рукописи, согласно третьей — севернорусские заговоры, которые вообще не имеют отношения к репертуару донских казаков.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Выражаю признательность Е.Л. Березович, Г.Н. Воронцовой, Ю.А. Дворяшину, В.А. Ковпику, которые познакомились с первоначальным вариантом статьи и высказали замечания, которые были учтены при окончательной доработке текста.

И Б.Н. Проценко, и А.В. Коровашко, рассматривая заговоры из «Тихого Дона», привлекали сравнительный материал, однако ограничивались узким кругом текстов. Б.Н. Проценко учитывал только две публикации заговоров донских казаков. А.В. Коровашко привлёк дополнительно тексты из сборника «Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв.» (2002), в частности, «Великоустюжский сборник» второй четверти XVII в. Между тем обереги от вражеского оружия относятся к наиболее распространённым группам русских заговоров. Такие тексты есть в основных собраниях русского магического фольклора – И.П. Сахарова, Л.Н. Майкова, П.С. Ефименко, М. Забылина, Н.Н. Виноградова.

В рукописной традиции заговоры от вражеского оружия фиксируются со второй четверти XVII в., причём несколько старинных сборников были опубликованы ещё во второй половине XIX – начале XX в. Воинские заговоры фиксировались в Сибири, Приуралье, на Русском Севере, в Поволжье, центральных и южнорусских землях, в Новороссии, на Кубани, в частности, в губерниях: Тобольской (Соболева 2005:188, № 13), Пермской (Янович 1903:156), Вологодской (Иваницкий 1890:135–139, № 7–26; Срезневский 1902:236–240, 1–5; ОЧР 2002:178–224; РКЖБН 2007/5/4:372, № 1), Архангельской (Ефименко 1878:221–222, № 109а–б), Олонецкой (ОЧР 2002:329–338; Лосев 1906. № 93:3; ОЧР 2002:329–338), Нижегородской (Борисовский 1870:203); Казанской (Сokolov 1892:232–234, № 1–3); Астраханской (Майков 1869/1992, № 330, 331), Костромской (Виноградов 1909/2:45, № 42; 46, № 43); Симбирской (Щапов 1863:54–56, № 1); Саратовской (Минх 1890:84–85); Воронежской (Блохин 1889:13–14, № 1–6; 14–17, № 1–2); Владимирской (Афанасьев 1862:79, № 8); Калужской (Зенбицкий 1907:1–4, № 1–5; РЗРИ 2010:341, № 16); Херсонской (Ястребов 1894:42–43); Ставропольской (Семилуцкий 1897:324–325, № 5, 6; 326–329, № 9–11, 12), на Кубани (Бондарь 2004:249); в г. Переславль-Залесском (Смирнов 2004:23). Воинские заговоры известны и на Украине: в Харькове (Тихонравов 1859:103–105, № 1–4), Причерноморье (Ефименко 1874:59–60, № 188; Короленко 1892:281–282), на Черниговщине (Перетц 1914:77). Опубликован также воинский заговор из Витебской губернии (Романов 1891:51–52, № 193). Близкую параллель к русским воинским заговорам представляют чешские заговоры из недатированной рукописи, хранившейся в местечке Пачлавско у гор. Кромержижа на Мораве (Grmela 1906; перепечатано с русским переводом в кн.: Вельмезова 2004:204–208, № 320, 321). В сербских сборниках апокрифических молитв XVII–XVIII вв. встречается молитва «от мьча и стрелы», имеющая переключки с русскими заговорами от вражеского оружия (РЗРИ 2010:394–396).

Военные люди, призванные в армию из разных регионов Российской империи, в ходе боевых действий перемещались на большие расстояния; оказывались и за границами Отечества. В результате рукописные заговоры от вражеского оружия распространялись на огромных территориях. Важно подчеркнуть, что эти заговоры функционировали исключительно в письменной форме, причём ими пользовались как грамотные, так и неграмотные. Предполагалось, что магические тексты помогают человеку вне зависимости от того, может ли он их прочитать.

Культурный горизонт людей, которые составляли воинские заговоры, мог значительно превосходить познания тех людей, которые ими пользовались. Важно не только то, что данные тексты функционировали в виде рукописей, но и то, что по своему содержанию они связаны не столько с фольклором, сколько с

миром христианской книжности, прежде всего с библейской поэзией. Вне зависимости от того, в какой мере Шолохов и его предшественники — составители и переписчики магических рукописей — могли идентифицировать библейские цитаты, те части текста, которые восходят к аутентичным заговорам, несут на себе отпечаток книжной традиции.

Уже первый публикатор русских заговоров И.П. Сахаров (1807–1863) в своей книге «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков»¹ поместил подборку заговоров от вражеского оружия (Сахаров 1836:4–77, 81–89). Книга неоднократно переиздавалась в разных редакциях (Сахаров, 1836, 1837, 1841–1849, 1885)². Многие тексты из неё, в том числе и воинские заговоры, позднее были включены в книгу М. Забылина «Русский народ» (Забылин 1880:297–302, № 1–10).

В коллекции И.П. Сахарова заговоры от вражеского оружия даются двумя группами: сначала 4 текста (Сахаров 1836:74–77, № 18–21), а потом ещё 7 (Сахаров 1836:81–89, № 29–35). Эти группы значительно отличаются друг от друга. В первой из них по меньшей мере два текста почти полностью соответствуют традиционным воинским заговорам (Сахаров 1836:74–75, № 18; 76–77, № 21), а во второй практически все тексты сочинены самим И.П. Сахаровым и имеют отдалённое отношение к подлинной традиции. Можно предположить, что в первом случае Сахаров брал за основу реальные тексты и несколько модифицировал их, а во втором — создавал собственные произведения, включая в них отдельные формулы аутентичных заговоров.

В 1917 г. Е.Н. Елеонская посвятила заговорам от вражеского оружия главу в своей книге «К изучению заговора и колдовства в России» (Елеонская 1917)³. Е.Н. Елеонская верно охарактеризовала основные формулы и социальное функционирование этих текстов. Она привела обширные цитаты из ещё не опубликованных к тому времени рукописей, в том числе из рукописи донских заговоров, присланной в архив Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Г. Корольковым (Елеонская 1994:130). Особый интерес к воинским заговорам в 1910–1920-х гг. был связан с тем, что, как сообщала Е.Н. Елеонская, «во время войны 1914–1917 гг. с германцами между русскими солдатами находились в обращении заговоры разобранных типов...» (Елеонская 1994:140, прим. 71).

В последние десятилетия было опубликовано большое количество новых текстов воинских заговоров, извлечённых из различных архивов (ОЧР 2002; РЗРИ 2010). Кроме этого, были составлены указатели воинских заговоров, которые позволяют с большой степенью полноты учесть старые публикации (Топорков 2005:403–405; Агапкина, Топорков 2014:93–102). Всё это в совокупности позволяет рассмотреть тексты из «Тихого Дона» на фоне всей традиции русских и украинских заговоров от вражеского оружия.

В статье ставятся следующие задачи: 1) проанализировать воинские заговоры из «Тихого Дона» с точки зрения их жанровой природы, формульной структуры, лексического состава; 2) выявить источник или источники, которыми пользовался Шолохов при работе над этими текстами; 3) установить, какие авторские дополнения внёс Шолохов в данные тексты при работе со своими источниками.

¹ Далее — «Сказания русского народа».

² Мы пользовались изданием: (Сахаров 1997).

³ Мы пользовались переизданием в кн.: (Елеонская 1994:99–143).

Контекст воинских заговоров из «Тихого Дона»

Появление заговоров в тексте романа мотивируется сюжетно. Речь идёт о ситуации, когда молодые казаки, призванные на фронт, оказываются в доме старого казака, который даёт им списать хранившиеся у него дома рукописные заговоры («Тихий Дон», кн. 1, ч. 3, гл. 6).

Весь этот эпизод с точки зрения историко-этнографической имеет вполне правдоподобный характер. Старый казак носил с собой лист, на котором записаны молитвы, скорее всего во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., то есть примерно 37 лет назад. Тот факт, что ему удалось уцелеть на войне, он приписывал помощи молитвы. Теперь он решил поделиться своим достоянием с молодыми казаками.

Здесь очень точно показаны механизмы существования рукописной традиции, благодаря которым тексты могут храниться десятилетиями и даже столетиями, чтобы новые поколения могли воспользоваться молитвами, которые переписывали когда-то их предки. И владелец рукописи, и молодые казаки — грамотные люди; копирование текстов в данном случае вообще не предполагает их произнесения или заучивания. В дальнейшем воины будут носить тексты на себе как обереги; ни из чего не видно, что они предполагают читать их про себя или вслух. Речь идёт именно о создании письменного оберега-амулета.

Казаки не всё понимают в старинных заговорах; например, у них вызывают вопросы упоминаемые в них рогатина и стрела¹. Старый казак сообщает, что эти молитвы восходят к незапамятным временам: «Деду моему, покойнику, от его деда досталась. А там, может, ишо раньше была она». Архаические реалии, которые фигурируют в заговорах, указывают на глубокую старину.

Для самого владельца рукописи ношение заговоров вписывается в кодекс чести казака наряду с запретами на мародёрство и на сексуальные связи во время боевых действий. Поскольку рукопись хранится под божницей, а тексты именуются молитвами, очевидно, что они считаются вполне допустимыми для православного человека. Уверенность в действенности заговоров в глазах старого казака относится к области веры, насмехаться над которой недопустимо.

Молитва от оружия упоминается позднее ещё в одном эпизоде: (Шолохов 1956/2:307, 309–310).

При исследовании воинских заговоров из «Тихого Дона» целесообразно взять за основу не опубликованный текст романа, а его черновую рукопись. Во-первых, в ней имеется один зачёркнутый заговор, который не вошёл в окончательную версию романа. Во-вторых, роман неоднократно редактировался в процессе его переизданий, в том числе подвергались правке и воинские заговоры (Ковпик 2003:15–16). Если Шолохов действительно использовал какой-то не известный нам сборничек заговоров, то резонно предположить, что именно текст черновой рукописи наиболее близок к этому протографу.

¹ Отметим, что в «Тихом Доне» тексты называются «молитвами» в соответствии с устной и рукописной традицией начала XX в. Если Шолохов, как мы предполагаем, пользовался каким-то рукописным сборничком, то в нём эти тексты скорее всего также имели надписания со словом «молитва». Мы же именуем эти тексты «заговорами» в соответствии с современным словоупотреблением, хотя можно было бы называть их также молитвами или «неканоническими молитвами».

Для удобства последующего анализа текстам присвоены условные номера. При этом вычеркнутой автором «Молитве» присвоен номер «один». В последнем заговоре, который включает два фрагмента, условно выделены два текста, исходя из того, что оборот «На море на океане на острове Буяне», с которого начинается второй фрагмент, в текстах № 1 и 3 маркирует начало заговора. Таким образом, по принятой нами нумерации всего текстов получается не три, как в романе, а 5: [№ 1] «Молитва»; [№ 2] «Молитва от ружья»; [№ 3] «Молитва от боя»; [№ 4] «Молитва при набеге» [Часть 1]; [№ 5] «Молитва при набеге» [Часть 2].

Тексты приводятся по черновой рукописи 3-й части «Тихого Дона», хранящейся в Рукописном отделе ИМЛИ РАН¹.

[№ 1] Молитва

На море на океане, на острове Буяне стоит стол — Христов престол. На том Христовом престоле предпочивает матушка пресвятая богородица со всеми ангелами и со всеми архангелами и херуимами², и со всею силою небесною. Матушка пресвятая богородица, закрой и защити меня раба божьего от копья булатна, от стали железной // (л. 28 об.) от дротика калёного и некалёного, и от пуль летающих, от сабель острых. Замком замыкаюсь, ключем запираюсь. Кидаю я раб божий ключ и замок в океан-море. Кто может достать со дна океан-моря ключ и замок, тот может победить меня раба божья. Аминь³.

[№ 2] Молитва от ружья

Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь. В камень нейдёт вода, так бы и в меня раба божия и в товарищей моих и коня моего не шла стрела и пулька. Как молот отпрядывает от ковадла, так и от меня пулька отпрядывала бы; как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы. Солнце⁴ и месяц светлы бывают, так и я раб божий ими укреплен. За горой замок, замкну тот замок, ключи в море брошу под бел-горюч камень Алтор, невидный ни колдуну, ни колдунице, ни чернецу, ни чернице. Из океан-моря вода не бежит, и жёлтый песок не пересчитать, так и меня раба божья ничем не взять. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

[№ 3] Молитва от боя

Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный тридевять колен. Раба божьего и товарищей моих каменной одеждой одень от востока и до запада, от земли и до небес; от вострой сабли и меча, от копья *булатна⁵ и рогатины, *от дротика калёного

---

¹ Черновая рукопись 3-й части «Тихого Дона» опубликована в кн.: (Михаил Шолохов 2011:413–539). Цитируемые нами тексты заговоров см. там же, с. 466–468. Текст размещён в Интернете; электронный адрес: <http://feb-web.ru/feb/sholokh/texts/drafts/d3/d3.htm>

² Так в ркп.

³ Текст «Молитвы» несколько раз перечёркнут крест-накрест синим карандашом.

⁴ Сначала было написано: *Как солнце*, потом *как* зачёркнуто, а строчная буква с заменена на заглавную.

⁵ Вписано сверху.

и некалёного¹, от ножа, топора и пушечного боя; от свинцовых пулек и от метких орудий; от всех стрел², перёных пером орловым и лебединым, и гусиным, и журавлиным, и дергуновым, и вороновым; от турецких боёв, от крымских и австрийских, нагонского супостата, татарского и литовского, немецкого и шильинского и калмыцкого. Святые отцы и небесные силы, соблюдайте меня раба божьего. Аминь.

[№ 4] Молитва при набеге [Часть 1-я]

Пречистая владычица святая богородица и господь наш Иисус Христос. Благослови господи, набегу идучи раба божьего и товарищей моих, кои со мною есть. Облаком обволоки, небесным, святым, каменным твоим градом огради. // (л. 29) Святой Дмитрий Сослуцкий, ущити меня раба божьего и товарищей моих на все четыре стороны: лихим людям не стрелять, ни рогаткою колоть и ни бердышем сечи не колоти, ни обухом прибити, ни топором рубити, ни саблями сечи не³ колоти; ни ножом не колоти и не резати; не старому и не малому, и не смуглому, и не чёрному; ни еретику, ни колдуну⁴ и не всякому⁵ чародею. Все теперь предо мною рабом божьим посироченным и судимым.

[№ 5]. Молитва при набеге [Часть 2-я]

На море на океане на острове Буяне стоит столб железный. На том столбе — муж железный подпершия посохом железным и заколеват он железу, булату и синему олову, свинцу и всякому стрельцу: «Пойди ты, железо, во свою мать-землю от р<аба> б<ожья> и товарищей моих и коня моего мимо. Стрела древоколкова в лес, а перо во свою мать-птицу, а клей в рыбу»⁶. Защити меня раба божья золотым щитом от сечи и от пули, от пушечного боя, ядер и рогатины и ножа. Будет тело моё крепче панцыря. Аминь⁷.

Среди просмотренных нами воинских заговоров мы выделили 4 сборника, которые наиболее близки заговорам из «Тихого Дона».

1) «Заговоры донских казаков» («Из рукоп. сборника к. XVII в., принадлежащего А.Ф. Бычкову»), публикация Л.Н. Майкова (1891). К сожалению, сборник опубликован только частично. Описание рукописи отсутствует. Отметим, что ещё раньше Л.Н. Майков опубликовал первый текст из «Заговоров донских казаков» в своём сборнике «Великорусские заклинания» (Майков 1869, № 329).

2) Сборник заговоров и молитв от вражеского оружия, датируемый рубежом 1720—1730-х гг., найден при деле 1743 г. (НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 827). Рукопись

¹ Вписано сверху.

² Далее зачёркнуто: запятая и *от*.

³ Сначала было написано *ни*, потом исправлено на *не*.

⁴ Испр., в ркп. *колдуну*.

⁵ Сначала было написано *невсякому*, потом *не* и *всякому* разделено вертикальной чертой.

⁶ В данном месте в рукописи кавычки отсутствуют.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 143 (Шолохов М.А.), оп. 9. Рукопись романа «Тихий Дон» (кн. 1-я и 2-я). № 4. «Тихий Дон». Кн. 1, ч. 3. Л. 28—29 (с. 53—55 по авторской нумерации). Написание заглавных букв и знаков препинания дается как в рукописи.

поступила в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии от члена Киевской судебной палаты А.М. Лазаревского в 1888 г.; опубликовано в 2010 г. (РЗРИ 2010:433–441). Тексты имеют названия «Молитва 3», «Молитва 4» и так далее до «Молитвы 14».

3) Собрание заговоров и молитв от вражеского оружия XVIII в. (РГАДА. Ф. 196 (Собр. Ф.Ф. Мазурина). Оп. 1. № 1005); опубликована в 2010 г. (РЗРИ 2010:462–470). Рукопись включает 4 текста: «Молитва от стрел, от копья, от ножа, от топора, от пушки, от едра, от свинцовой пушки»; «Молитва идущего во рать, на службу», «Молитва», «Молитва людем».

4) Сборник заговоров и молитв, озаглавленный «Придохранения». 1810-е гг. (НБУ. Ф. 301. Ед. хр. 450). Сборник поступил в Церковно-археологический музей от студента Киевской духовной академии Неофита Любимова. По-видимому, рукопись была составлена где-то на юге России или востоке Украины; опубликована в 2010 г. (РЗРИ 2010:664–683). Параллели к заговорам из «Тихого Дона» имеются в текстах № 7–15 (заговоры от вражеского оружия).

Первый сборник был опубликован в 1891 г.; им вполне мог пользоваться М.А. Шолохов (Проценко 1998:252–255; Проценко 2003:131–133). Остальные три рукописи в начале XX в. хранились в архивах, а напечатаны были только в 2010 г.; они заведомо не могли быть известны М.А. Шолохову. Однако в его распоряжении мог быть какой-то сборник с текстами, похожими на те, которые имеются в данных рукописях.

Особо подчеркнём, что три привлекаемых нами рукописных текста были опубликованы только в 2010 г. и поэтому не были доступными для А.В. Коровашко, чья книга увидела свет в 2009 г. Между тем эти тексты значительно ближе к заговорам из «Тихого Дона», чем «Великоустюжский сборник» второй четверти XVII в. и другие рукописные сборники, которые использовал А.В. Коровашко для сравнения с текстами из романа.

По-видимому, не случайно то, что по меньшей мере три из четырёх привлекаемых нами источников связаны с Украиной или южнорусскими землями (№ 1, 2, 3). Уже это даёт основания предполагать, что заговоры из «Тихого Дона» связаны по своему происхождению с украинской или южнорусской территорией.

Надписания текстов со словом «Молитва» также сближает заговоры из данных рукописей (№ 2, 3) с текстами из «Тихого Дона»: у Шолохова это «Молитва», «Молитва от ружья», «Молитва от боя» и «Молитва при набеге», в собрании заговоров и молитв от вражеского оружия XVIII в. — «Молитва от стрел, от копья, от ножа, от топора, от пушки, от едра, от свинцовой пушки»; «Молитва идущего во рать, на службу», «Молитва», «Молитва людем» (РЗРИ 2010:462–470).

Данные четыре источника мы используем как контрольную группу текстов, однако в случае необходимости будем привлекать и другие заговоры. Хронологически рукописи относятся к периоду с конца XVII по начало XIX в., то есть отчасти отражают постепенную эволюцию заговорной традиции.

Ниже мы приводим один за другим заговоры из «Тихого Дона» согласно черновой рукописи и каждый из них рассматриваем на фоне аутентичных воинских заговоров. Для удобства последующего анализа тексты разбиты на пронумерованные колонны.

[№ 1] Молитва

(1) На море на океане, на острове Буяне стоит стол — Христов престол.

(2) На том Христовом престоле предпочивает матушка пресвятая богородица со всеми ангелами и со всеми архангелами и херуимами¹, и со всею силою небесною.

(3) Матушка пресвятая богородица, закрой и защити меня раба божьего от копья булатна, от стали железной от дротика калёного и некалёного, и от пуль летающих, от сабель острых.

(4) Замок замыкаюсь, ключем запираюсь.

(5) Кидаю я раб божий ключ и замок в океан-море.

(6) Кто может достать со дна океан-моря ключ и замок, тот может победить меня раба божья. Аминь².

Практически все формулы, из которых состоит данная молитва, имеются в заговорах донских казаков, опубликованных Л.Н. Майковым:

«<...> Принимает раба Божия сам Господь Иисус Христос со ангелами своими, архангелами и со всею силою небесною; ведёт раба Божия сам Господь Иисус Христос к своему столу, Господню престолу, к Деве Марии пресвятой Богородицы; <...> замыкает раба Божия сам Господь Иисус Христос своими замками <...> (Майков 1891:135)³;

«Ангелы, сходите с небеси, снесите на землю замок со всех четырёх сторон — от востока и до запада, от юга и до севера, замыкайте во мне, рабе божиим (имреке). Будьте, мои слова, крепки на мне! Закиньте ключи в окиян-море под бел камень-алатарь; никому тамо замка не отомкнутъ всегда, ныне и присно и во веки веков аминь» (Майков 1891:136).

«Молитва» включает 6 формул: 1) на море стоит Христов престол; 2) на престоле спит Богородица с ангелами; 3) пусть она защитит имярека от оружия; 4) имярек замыкается замком и запирается ключом; 5) имярек кидает ключ и замок в море; 6) кто сможет достать со дна моря ключ и замок, тот сможет победить имярека.

Рассмотрим формулы «Молитвы» последовательно на фоне контрольной группы текстов и других воинских заговоров.

1) Зачин «На море на океане, на острове Буяне» фигурирует также в «Молитве при набеге» (№ 5). Эта рифмованная формула встречается во многих заговорах (Сахаров 1997, № 11, 12, 31–33, 35–37, 39–42, 49, 52; Майков 1869, № 140–144, 146, 151, 152, 167, 174, 178, 179, 220), однако в старинных воинских оберегах остров Буян не фигурирует⁴.

¹ Так в ркп.

² ОР ИМЛИ. Ф. 143 (Шолохов М.А.), оп. 9. Рукопись романа «Тихий Дон» (кн. 1-я и 2-я). № 4. «Тихий Дон». Кн. 1, ч. 3. Л. 28–28 об. (с. 53–54 по авторской нумерации).

³ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — А.Т.

⁴ В архиве Ф.Д. Крюкова сохранился любовный заговор, который начинается словами «На море на океане, на острове Буяне...» (это именно любовный заговор, а не «молитва “от тоски”», как полагает публикатор) (Макаров 2010:334). Поскольку этот зачин широко используется в заговорах, сопоставление любовного заговора из материалов Ф.Д. Крюкова с воинскими заговорами из романа М.А. Шолохова, основанное на совпадении приведённого оборота, не имеет оснований.

Слова «стол — Христов престол» близки обороту «стол, Господень престол», который трижды употребляется в воинских заговорах конца XVII в. (Майков 1891:135—136). Сама по себе формула «стол — Божий престол» широко известна в народной культуре восточных славян, однако в воинских заговорах она встречается только в публикации Л.Н. Майкова и в «Тихом Доне». Это один из веских аргументов за то, что либо составитель заговоров из «Тихого Дона» пользовался публикацией Л.Н. Майкова, либо эти заговоры восходят к той же традиции донских казаков, к которым относятся тексты, опубликованные Л.Н. Майковым.

В более полных текстах престол стоит не просто на острове, но в церкви, расположенной на острове посреди моря-океана, например:

«Аще я, рап Божей имрак, пойду на синия моря на киянь, и тамо лежит злат камень, на камне стоит святая соборная апостольская церковь, в той церкви престол стоит, на престоле сам Господь сидит и Пречистая Матерь Божия, в руцех содержит скиперт и державу и крест престола Господня. Престоят пред нею вся небесная сила, ангелы, архангелы, херувимы, шестыкрылаты сирафимы...» (РЗРИ 2010:666).

2) Глагол «препочивати», который в словаре В.И. Даля приводится с пометой «церковное» и значением ‘опочить, започить; умереть’ (Даль 1882/3:395), здесь обозначает ‘спать, предаваться сну’. И сам глагол, и мотив сна Богородицы отсутствуют в текстах, опубликованных Л.Н. Майковым, и внесены в «Молитву» из какого-то другого источника. Сходный текст имеется в обереге от колдунов из Тульской губ.: «На Сионских горах, на синих морях, на жёлтых на песках, на тридесять ключах лежит бел камень гладк. На том на камне стоит столб и Христов престол. На том на престоле сама Мать Пресвятая Богородица опочивает» (Майков 1869, № 219).

Богородица фигурирует и в других воинских заговорах, однако обычно она сидит или стоит на престоле, а не лежит на нем, например: «Во городе во Ерусалиме стоит престол, на престоле Матерь Божия Присвятая Богородица стоит со своим сынам, любезным сыном в пеленах и в ризах» (РЗРИ 2010:671).

Мотив указывает на сближение воинского заговора с текстом «Сна Богородицы», который встречается в одних сборниках с воинскими заговорами и также мог использоваться как рукописный оберег. Глагольная форма *препочивает* появилась на месте обычных для «Сна Богородицы» *почивает* или *опочивает*, вероятно, по аналогии с другими словами с приставкой *пре-*, придающей словам книжный и стилистически «высокий» характер: «На том Христовом престоле *препочивает* матушка *пресвятая* богородица...» См. сходные фрагменты в «Сне Богородицы»:

По сообщению А.Г. Макарова, этот текст был записан «кем-то из казаков для Федора Дмитриевича» (Макаров 2010:334). Утверждение А.Г. Боброва о том, что заговор из архива Ф.Д. Крюкова происходит с Русского Севера, основано на том, что в заговоре упоминается баня; между тем баня фигурирует и в заговорах, которые бытовали на других территориях; например, любовный заговор с упоминанием бани, который приводит в качестве примера А.Г. Бобров, не указывая его локализации, извлечён из дела С.В. Айгустова, который жил в Калужском крае (РЗРИ 2010: 333; Бобров 2012:220). Нет никаких убедительных оснований считать, что воинские заговоры из «Тихого Дона» имеют севернорусское происхождение. Аргументация, предложенная в статьях А.Г. Боброва, основана на серии произвольных допущений.

Опочивала еси Пресвятая Богородица приснодево Мария во святом граде Вифлиеме Иоудейстем в марте месяце и прииде истинный Господь наш Исус Христос, спаситель всего мира, и рече ей: О преблагословенная мати моя Пресвятая Богородица Дево М(а)рия, спиши ли ты или не спиши и что во сне видиши? Она же рече ему: Сыне мой прелюбезный и возлюбленное мое чадо, видела я сон про тебя, Господа моего и Бога велми страшен... (РЗРИ 2010:532).

Почивала еси Присвятая Богородица и приснодева Мария во святом гради Вофлиеме иудейском во святой Божей церкви за честном крестом, за двумя престолами, за четырьмя стенами и видела сон о сыне своём возлюбленном, Господи нашем Исуси Христе (РЗРИ 2010:673–674).

Искажѐнное *херуимами* (вместо *херувимами*) можно было бы принять за опisku, однако в целом тексты заговоров написаны начисто, почти без исправлений, поэтому нельзя исключать, что написание *херуимами* соответствует авторской воле. В этом случае вероятно сближение со словом *хер* как эвфемистическим названием мужского полового органа. Если принять такое предположение, то текст, в целом напоминающий христианскую молитву, неожиданно приобретает сниженный и несколько скабрѐзный характер (см. ниже написание *Сослуцкий* вместо *Солунский*).

3) Формула характерна для воинских заговоров; имеет параллели в текстах № 3, 4 и 5.

4) Подобные формулы встречаются в заговорах различной направленности, например: «Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь» (Сахаров 1997:46, № 18).

5) Формула «Кидаю я раб божий ключ и замок в океан-море» почти дословно повторяется в «Молитве от ружья»: «...замкну тот замок, ключи в море брошу под бел-горюч камень Алтор...» (№ 2) и имеет параллель в одном из заговоров Л.Н. Майкова, где действие, правда, приписано не субъекту, а ангелам: «Ангелы, сходите с небеси, снесите на землю замок со всех четырёх сторон — от востока и до запада, от юга и до севера, замыкайте во мне, рабе Божиим (имреке). <...> Закиньте ключи в окиян-мофе под бел камень-алатарь; никому тамо замка не отомкнуть <...>» (Майков 1891:136).

6) Формула «имярек кидает ключ и замок в море» часто сочетается в заговорах с формулами типа «кто сможет достать со дна моря ключ и замок, тот сможет победить имярека», «как никто не может достать со дна моря ключ и замок, так никто не сможет победить имярека» и др.; см. например:

«И есть евангелист Иоанн Богослов, Марка, Матьвей, Лука, сойдитя с небес и снеситя замок со всех с четырёх стран: от востоку и до заподу, от юга и до севера, и замкнитя на мне, рабе Божие имроку, (слово) своё крепкое. <...> Кин(ь)те вы ключи во акиян мофе под бел камень под латырь. То каковы у зомка сницы крепкия, таковы бы были крепкия на мне, рабе Божие имроке, крепкия бы молитвы и словеса моя Отцу и Сыну и Святому Духу» (РЗРИ 2010:435);

«На синем мори, на Сионских горах лежит белой камень Латырь Латырич, у того камня стоит Богоматерь Присвятая Богородица Дева Мария, в руках держут тридевять замков и тридесять ключей позлачѐных. Замыкает у раба Божива имрака тела булатныя крепчи камня белова Латыря Латырича, отъпускает тридесеть ключей» (РЗРИ 2010: 671).

См. также в заговоре из «Сказаний русского народа»: «Возьми ты, красная девица, в правую руку двенадцать ключев и замкни двенадцать замков, и опусти эти замки в Океан-море, под Алатырь-камень» (Сахаров 1997:38, № 1).

[№ 2] Молитва от ружья

- (1) Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь.
- (2) В камень нейдёт вода, так бы и в меня раба божия и в товарищей моих и коня моего не шла стрела и пулька.
- (3) Как молот отпрядывает от ковадла, так и от меня пулька отпрядывала бы;
- (4) как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы.
- (5) Солнце¹ и месяц светлы бывают, так и я раб божий ими укреплен.
- (6) За горой замок, замкну тот замок, ключи в море брошу под бел-горюч камень Алтор, невидный ни колдуну, ни колдунице, ни чернецу, ни чернице.
- (7) Из океан-моря вода не бежит, и жёлтый песок не пересчитать, так и меня раба божья ничем не взять. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь².

«Молитва от ружья» включает 7 формул: 1) лежит камень на горе, что конь; 2) в камень не идёт вода, так бы в имярека не шли стрела и пуля; 3) как молот отскакивает от наковальни, так бы пуля отскакивала от имярека; 4) как вертятся жернова, так бы вертелась стрела; 5) солнце и месяц бывают светлы, так бы имярек был укреплен; 6) имярек замкнёт замок и бросит ключи в море под бел-горюч камень; 7) из моря вода не течёт и жёлтый песок не пересчитать, так бы и имярека ничем не взять.

Некоторые фрагменты «Молитвы от ружья» имеют параллели в заговорах от вражеского оружия: «...так бы и в меня раба божия и в товарищей моих и коня моего не шла стрела и пулька...», «...ключи в море брошу под бел-горюч камень...», «ни колдуну, ни колдунице, ни чернецу, ни чернице», «...жёлтый песок не пересчитать». Однако в остальном «Молитва от ружья» отличается от воинских заговоров, в которых нет таких формул, как: «Лежит камень бел на горе, что конь», «В камень нейдёт вода...», «Из океан-моря вода не бежит...». Отдельные слова и обороты близки не аутентичным заговорам, а текстам из «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков», — текстам, которые, вероятно, сочинены самим И.П. Сахаровым. В связи с этим мы не можем привести параллельные заговоры из нашей контрольной группы и приступаем сразу к исследованию конкретных формул.

1) Начало заговора даёт наглядную «картинку»: «Лежит камень бел на горе, что конь». Связка *камень — конь*, обусловленная звуковой близостью этих слов, переходит и в следующее предложение: «В *камень* нейдёт вода, так бы и в меня раба божия и в товарищей моих и *коня* моего не шла стрела и пулька».

Ниже в том же заговоре ещё раз фигурирует «камень бел», однако на этот раз он именуется «бел-горюч камень Алтор» и расположен в море, а не на горе; см. также в «Молитве от боя»: «Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор...» (№ 3). В зачинах заговоров «камень на горе» фигурирует реже, чем «камень в море» или «камень на острове в море», и при этом глав-

---

¹ Сначала было написано: *Как солнце*, потом как зачёркнуто, а строчная буква с заменена на заглавную.

² ОР ИМЛИ. Ф. 143 (Шолохов М.А.), оп. 9. Рукопись романа «Тихий Дон» (кн. 1-я и 2-я). № 4. «Тихий Дон». Кн. 1, ч. 3. Л. 28 об. (с. 54 по авторской нумерации).

ным образом в текстах, бытовавших на юге России, в Белоруссии и на Украине (Агапкина 2010:42–44). В воинских заговорах фигурирует иногда камень на горах, которые находятся в море, например: «На синем мори, на Сионских горах лежит белой камень Латырь Латырич...» (РЗРИ 2010:671); см. также в одном из текстов, опубликованных Л.Н. Майковым: «Выду на гору Господа нашего Иисуса Христа, облекусь облаки и покрываюсь ризою пречистия Богородицы» (Майков 1891:135).

Хотя сравнения камня с конём в заговорах нам не встретились, камень и конь могут как-то соотноситься друг с другом, например: «На том белом камени святыи Егорей аседдывает своего белого коня...» (РЗРИ 2010:316). Известны также легенды о камне, который появился на месте, где окаменел конь (Коровашко 2009:275). Впрочем, такие проекции легендарных сюжетов в заговоры в целом не характерны для традиции магических текстов. Скорее можно предполагать, что это сравнение имеет индивидуально-авторский характер.

Если образ «камень на горе» взят из заговорной традиции, то сравнение этого камня с конём в заговорах не встречается и явно присочинено самим М.А. Шолоховым. Такие визуальные образы нередки у писателя; например, в рассказе «Коловерть» (1925): «С кургана баба каменная, в землю вросшая, смотрит на пахарей глазами незрячими, а сама алеет от солнечных лучей, будто пылым спелёная» (Шолохов 1956/1:154); в «Тихом Доне» Дарья сообщает Алексею Ивановичу: «Говорили казаки, что тебя видали на бугре! Ты был на белом коне!» (Шолохов 1957/3:355).

Образы коня и всадника играют особую роль в художественной системе романа; см. мысли Григория Мелихова о скоротечности жизни: «Летит жизнь, как резвый конь» (Шолохов 1957/3:303); см. также описание аэроплана: «Невиданная машина стояла молчаливая и горячая, как загнанный конь» (Шолохов 1957/3:348). Соотнесение животного с камнем характерно для поэтики Шолохова; например, в одном из эпизодов «Тихого Дона» волк описывается следующим образом: «Волк ленивой перевалкой пробежал несколько сажень и стал боком, неподалёку от того берега. <...> Серый, как выточенный из самородного камня, стоял зверь, палкой вытянув хвост» (Шолохов 1957/2:167).

Словосочетание «камень бел» в разных вариациях характерно для заговоров и других жанров фольклора, однако встречается и в книжной традиции, например, в Апокалипсисе: «Имѣяи ухо слышати да слышитъ, что Духъ глаголетъ цѣрквамъ: побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя, и дамъ ему камень бѣль и на камени имя ново написано, егоже никтоже вѣсть, токмо приѣмляи» (Откр. 2:17; рус. пер.: «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает»).

2) По своей конструкции формула напоминает предложение из сахаровского «Заговора от ратных орудий»: «Как дождь воды не пробил, так бы меня, такогото, и моего коня искры и пули не пробивали...» (Сахаров 1997:47, № 19). Оборот «так бы и в меня раба божия и в товарищей моих и коня моего не шла стрела и пулька» имеет также параллель в одном из казачьих заговоров конца XVII в.: «Помилуйте меня, раба Божия (имрек), и моего коня обороните на все четыре стороны своим скипетром железным» (Майков 1891:136).

Оборот «в камень нейдёт вода» в заговорах не встречается. Он несколько напоминает формулы невозможности «ни из камня воды», «не от камня воды» и подобные, характерные для заговоров от кровотечения (Агапкина 2010:190–

191), однако в аутентичных формулах говорится, что вода не может течь из камня, а в заговоре из «Тихого Дона» — о том, что вода не может течь в камень (Коровашко 2009:276). Оборот «в камень нейдёт вода» может быть соотнесен с пословицами: «Вода камень точит», «Капля камень долбит», «Капля по капле и камень долбит», хотя по смыслу им противоположен; см. также в «Тихом Доне»: «Аксинья стиснула зубы, и слова — *дождевые капли на камень — точились скупю*» (Шолохов 1956/1:367).

Формулы невозможности типа «ни из камня воды» соотносятся с известным эпизодом Книги Исход, согласно которому Моисей ударил жезлом по скале, от чего из неё хлынула вода (Исх 17:5–6). Это чудо, демонстрирующее всеислие Господа, неоднократно воспевается в Псалтири: «...*рассек камень в пустыне и напоил их, как из великой бездны; из скалы извел потоки, и воды потекли, как реки*» (Пс 77:15–16); «Вот, Он ударил в камень, и потекли воды, и полились ручьи» (Пс 77:20); «*Разверз камень, и потекли воды, потекли рекою по местам сухим...*» (Пс 104:41). В Новом Завете Христос отождествляется с чудесным камнем, источающим благодетельную влагу: «...и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из *духовного последующего камня; камень же был Христос*» (1 Кор 10:4).

3) Формула «Как молот отпрядывает от ковадла, так и от меня пулька отпрядывала бы...» в воинских заговорах нам не встретилась. Глаголы *отпрядывать*, *отпрядывать* имеют значение ‘стремительно отодвигаться; отскакивать’ (ССРЛЯ 1959/8:1544); например: «Павел весь, с головы до ног, *взрагивает и отпрядывает* от стены, как будто хочет броситься на заговорщиков» (Д.С. Мережковский. Павел Первый. 1908). В сходном контексте глагол употреблён в «Заговоре от ратных орудий» из собрания И.П. Сахарова: «И как от воды камни *отпрядывают*, и пузыри вскакивают, так бы от ратных орудий *прядали мимо меня стрелы и порох-селитра*» (Сахаров 1997:47, № 19). В «Молитву от ружья» глагол *отпрядывает* скорее всего попал из сахаровского текста.

Нет в просмотренных нами материалах и слова «ковадло», которое употребляется в диалекте донских казаков с двумя значениями: «наковальня» и «большой деревянный молот» (БТСДК 2003:221). Судя по контексту, в заговоре из «Тихого Дона» имеется в виду значение ‘наковальня’. Это слово встречается также 4 раза в романе «Поднятая целина» с тем же значением. Диалектное донское *ковадло* является, по всей видимости, белорусским заимствованием, а его источник — бел. *кавадла* — заимствовано, в свою очередь, из польского *kowadło*, которое восходит к праслав. *kovadlo < *kovati* (ЭСБМ 1988/4:16). В заговор из «Тихого Дона» существительное *ковадло* скорее всего вставил сам Шолохов.

Мотив кузнеца у наковальни имеет параллель в Библии: «Такожде и *ковачь сѣдя близь наковальни и соглядаяй дѣло желѣза: куреніе огня удручїть тѣло его...*» (Сир. 38:29; рус. пер.: «Так и *ковач*, который сидит у *наковальни* и думает об изделии из железа: дым от огня изнуряет его тело...»).

4) Сравнительная формула «...как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы...» встретилась нам только в «Заговоре на железо, уклад, сталь, медь» из собрания И.П. Сахарова: «Как у мельницы *жернова вертятся*, так железо, уклад, сталь и медь *вертелись бы* кругом меня, а в меня не попадали» (Сахаров 1997:48, № 21)¹. Скорее всего данную формулу сочинил

¹ Тот факт, что данная формула имеет параллель в текстах Сахарова, отметил А.В. Коровашко (Коровашко 2009:276).

сам Сахаров; в рукописной традиции воинских заговоров она имеется только в тех текстах, которые восходят к заговору из «Сказаний русского народа»; в независимых источниках нам найти её не удалось. В связи с этим появление этой формулы в тексте из «Тихого Дона» определённо указывает на то, что составитель заговора пользовался самым собранием И.П. Сахарова либо какой-то перепечаткой из него (например, в книге М. Забылина «Русский народ»).

Параллели к мотиву жерновов встречаются в «Тихом Доне»; ср. слова Григория Мелехова: «Я зараз будто недобитый какой... Будто *под мельничными жерновами* побывал, перемяли они меня и выплюнули» (Шолохов 1956/1:306); реплику есаула Калмыкова: «Керенский *между двумя жерновами*, — не тот, так другой его сотрёт» (Шолохов 1956/3:124). Отметим, что жёрнов упоминается также в любовном заговоре XVII в., хотя и в ином контексте: «Как *ерькает верхней жернов по исподнем жернове*, так бы ерькала сердце с печен(ь)ю и кров(ь)ю горячею у рабы имерек по мне по рабу имерек, по всякой час по мне по рабу имерек» (РЗРИ 2010:339).

5) В формуле «Солнце и месяц светлы бывают, так и я раб божий ими укреплен» не вполне ясна логическая связь между левой и правой частями. В таком виде формула не встречается в заговорах, хотя и имеет в них отдалённые параллели: «Агражуся аз, раб Божий имрок, от всех четырёх стран, от тех ратных людей и от ратнаго воинскаго оружия *светлым сонцем и месецом*, и отычюся частами звёздами...» (РЗРИ 2010:439); «Как *солнашка и месяц*, и земля, так бы миновалась меня, раба Божия, стрелы и полки» (РЗРИ 2010:729).

Первая часть предложения «Солнце и месяц светлы бывают...» напоминает библейские речения: «Что *свѣтлѣе со́лнца?* и то *изчезаетъ...*» (Сир. 17:30; рус. пер.: «Что светлее солнца? но и оно затмевается»); «Путіе же праведныхъ подобнѣ *свѣту свѣтятся*: предходятъ и просвѣщаютъ, дондеже исправится день» (Притчи 4:18; рус. пер.: «Стезя праведных — как *светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня*»).

Вторая часть формулы «...так и я раб божий ими укреплен» переключается со словами: «Будет тело моё крепче панцыря» (№ 5).

6) Слова «За горой замок, замкну тот замок...» предполагают элемент языковой игры, напоминающей скороговорку: «Запер замо́к на замо́к, чтобы замо́к не замо́к». По логике вещей в словосочетании «за горой замок» речь идёт скорее о *замке*, чем о *замкѣ*, однако контекст побуждает считать, что речь все-таки идёт о *замкѣ*, а не о *замке*. Таким образом, можно прочитать: «За горой замо́к, замкну тот замо́к...», «За горой замо́к, замкну тот замо́к...» и «За горой замо́к, замкну тот замо́к».

Слово «Алтор» фигурирует также в «Молитве от боя» (№ 3). Обычно в заговорах встречаются другие названия: «латарь камень» (Майков 1891:135); «бел камень-алатарь» (Майков 1891:136) «аспид каме(нь)» (РЗРИ 2010:316), «бел горюч камен(ь) калмык(?)» (РЗРИ 2010:338); «камень алатарен», «белый камень алаторен(?)» (РЗРИ 2010:523), «бел горуч камень» (РЗРИ 2010:526), «бел латырь камень» (РЗРИ 2010:659) и др.¹

Хотя форма *Алтор* встретила нам только в заговорах из «Тихого Дона», в ней опознаётся та же последовательность согласных *л-т-р*, что и в большинстве приведённых названий (Юдин 1997:194). Близкая параллель имеется в словосочетании «белатор-камень», зафиксированном в донском заговоре: «Кто из

¹ См. также перечни названий чудесного камня в кн.: (Юдин 1997:194; Агапкина 2010:47; Аникин 2007/1:146–147).

белатор-камня ключи достанет» (Миртов 1929:19; зап. в станице Филоновской, на хуторе Галушкине; см. также: СРНГ 1966/2:207)¹. Форма *Алтор* может быть сближена со словами, имеющими суффикс *-тор*, с помощью которого образуются обычно существительные мужского рода, обозначающие лиц определённой профессии, орудия действия и механизмы, например: *лектор*, *изолятор*, *аккумулятор*, см. также *алектор* (из греч.) ‘петух’.

Оборот: «...камень, *невидный* ни колдуну, ни колдуннице...» в аутентичных заговорах нам не встретился. Вероятно, он восходит к «Заговору на любовь» из «Сказаний русского народа»: «На море на Окиане есть *бел-горюч* камень *Алатырь*, никем *неведомой*...» (Сахаров 1997:61, № 50). Хотя у Сахарова камень «неведомой», а у Шолохова «невидный», в целом контексты сопоставимы.

В воинских заговорах имеются перечни недругов, среди которых фигурируют колдуны и монахи, например: «...и от *попа*, и от *диакона*, и от *чернца*, и от *старницы*, и от *рабы*, и от *девки*, и от *всяких иноземцев*, и от *колдунов*, и от *колдунниц*, и от *еретиков*, и от *еретиц*, и от *девиц*, и от *молодиц*...» (Майков 1891:135–136); «...того замька не отмыкивать ни *бельцу*, ни *черньцу*, ни *черьнице*, ни *колдуну*, ни *колдунье*, ни *малу*, ни *сътару*, ни *серьдовичну*, всяким крещёным и некрещёным людем опричь меня, раба Божия имра(ка)» (РЗРИ 2010: с. 497). Если обычно в воинских заговорах, помимо колдунов и монахов, фигурируют ещё девицы, молодницы, еретики, старые, молодые и др., то в «Молитве от ружья» остались только колдун и колдунница, чернец и черница. В результате этого колдуны и монахи оказались непосредственно соотнесены друг с другом как главные потенциальные вредители и недруги казака.

7) Оборот «и жёлтый песок не пересчитать» имеет параллели в заговорах, например: «Аще кто хочет помстить, попортить и изурочить кто от человек, пусть <...> изочтёт все звёзды небесныя и *изочтёт в мори песок*, и тогда меня, раба Божия имрака, и всех домашних по имени испортит и изурочит и мою скотинушку...» (РЗРИ 2010:537). Варианты данной формулы неоднократно фигурируют в Библии: «...если кто может *сосчитать песок земной*, то и потомство твоё сочтено будет...» (Быт. 13:16); «*Кто исчислит песок Иакова* и число четвертой части Израиля?» (Числ 23:10); «*Песок морей* и капли дождя и дни вечности *кто исчислит?*» (Сир 1:2).

Оборота «Из океан-моря вода не бежит» нет в аутентичных заговорах. Параллели к этой формуле также имеются в Библии: «Вси потоцы *идуть въ море*, и *море ньсть насыщаемо*: на мьсто, аможе потоцы *идуть*, тамо ти *возвращаются* ити» (Еккл. 1:7; рус. пер.: «Все реки текут в море, но *море не переполняется*: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь»); «...и егда *полагаше морю предьль его*, да *воды не мимо идуть усть его*...» (Притчи 8:29; «...когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его...»).

Таким образом, «Молитва от ружья» несколько выделяется из ряда других заговоров «Тихого Дона». Она не имеет прямых параллелей в заговорной традиции, включает несколько лексем и словосочетаний, восходящих к «Сказаниям русского народа», или представляющих собой индивидуально-авторские образования. Отдельные обороты, по-видимому, составлены с учетом формул пословиц и скороговорок: «В камень *нейдёт вода*», «За горой замок, замкну тот замок...».

¹ А.В. Миртов отмечал по поводу словосочетания «белатор-камень»: «Вероятно, из обычного в заговорах “Алатырь-камень”» (Миртов 1929:19).

[№ 3] Молитва от боя

(1) Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный тридевять колен.

(2) Раба божьего и товарищей моих каменной одеждой одень от востока и до запада, от земли и до небес; от вострой сабли и меча, от копья *булатна¹ и рога-тины, *от дротика калёного и некалёного², от ножа, топора и пушечного боя; от свинцовых пулек и от метких оружий; от всех стрел³, перёных пером орловым и лебединым, и гусиным, и журавлиным, и дергуновым, и вороновым; от турецких боёв, от крымских и австрийских, нагонского супостата, татарского и литовского, немецкого и шилынского и калмыцкого.

(3) Святые отцы и небесные силы, соблюдайте меня раба божьего. Аминь⁴.

«Молитва от боя» включает 3 формулы: 1) есть море-океан, на нем белый камень, на камне каменный муж; 2) пусть он оденет имярека каменной одеждой от вражеского оружия, от оперённых стрел, от иноэтнических противников; 3) пусть святые отцы защитят имярека.

1) В целом формула традиционна для воинских заговоров; оригинальный характер имеют название белого камня *Алтор* (см. выше) и словосочетание *тридевять колен*, которое могло появиться на месте оборота «всякому камени отец и матери». Если считать, что *колени* обозначает здесь «род или поколение» (Даль 1881/2:145), то оборот «муж каменный тридевять колен» можно понять как «муж каменный, [отец] тридевяти колен».

Возможно также, что *колени* употреблено со значением: «Отдельная часть чего-либо, идущего ломаной линией, от одного сгиба или поворота до другого», например: «Коленья дымовой трубы» (ССРЛЯ 1956/5:1147); см. в «Тихом Доне»: «У колена, там, где Дон, избочившись, заворачивает влево, образовался затор» (Шолохов 1956/1:196). В связи с этим вспоминается, что «каменному мужу» и «железному мужу» в воинских заговорах иногда приписываются колоссальные размеры, например: «...Есть море каменное; на том море стоит каменной муж: висота его от земли до небеси, широта его от востока до западу...» (Тихонравов 1859:104); «Есть море акиян, на том море акияне лежит бел камень, на тем камне сидит муж железной, а и высотой от земли до небес, держат в руках железной посах, заповедават детям своим всякому железу и укладу красному, и беламу, и синему...» (РЗРИ 2010:728–729). При таком понимании оборот «муж каменный тридевять колен» можно понять как указание на гигантский размер и многосоставность «каменного мужа»: «муж каменный, [тело которого включает] тридевять колен».

Числительное «тридевять» встречается в воинских заговорах довольно регулярно, причём не столько указывает на количество тех или иных предметов, сколько усиливает магическую направленность текста; например: «...наряжает раба Божия сам Господь Иисус Христос в *тридевять* руб медных, под *тридевять* дел, от *тридевять* смертей напрасленных...» (Майков 1891:135); «Есть моря акиян, на том море акияне есть бел камень алатырь, под тем камнем *3 деветь* зам-

¹ Вписано сверху.

² Вписано сверху.

³ Далее зачёркнуто: *от*.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 143 (Шолохов М.А.), оп. 9. Рукопись романа «Тихий Дон» (кн. 1-я и 2-я). № 4. «Тихий Дон». Кн. 1, ч. 3. Л. 28 об. (с. 54 по авторской нумерации).

ков булатных и *три девять* ключев серебряных» (РЗРИ 2010:469–470); «...у того камня стоит Богоматерь Присвятая Богородица Дева Мария, в руках держут *тридевять* замков и *тридесять* ключей позлаченных» (РЗРИ 2010:671). Однако сочетания «тридевять колен» в воинских заговорах нет.

В текстах контрольной группы образ «каменного мужа» отсутствует, хотя он известен в других воинских заговорах, например:

Есть святое море-окиян, на том море-окияне есть бел камень, на том камени есть каменной муж, Богом сотворён, всякому камени отец и матери, вздевает на меня, раба Божия имярек, каменную рубашку, каменные портки от востоку и до западу, от земли и до небеси, защищает меня, раба Божия имярек, от 1000 стрел, и от 1000 стрелных желез, и от пищальных, и от пушечных, и от мушкетных, и от пистолных пулек, и от карабинов, от 1000 пулек, и от винтовок, и от дробу, и от копей, от сабель и от топоров, и от ножей, и от рогатин, и от кос, и от бердышев, от свайки и от палицы, и от всякаго боеваго удару татарскаго, и калмацкаго, и черемискаго, и чувашскаго, и турскаго, и черемискаго, и от немецкаго, и от литовскаго, и от рускаго, и от всех нечестивых родов» (ОЧР 2002:282).

2) Данная формула также характерна для воинских заговоров. Параллель к перечислению видов птиц, перья которых могли использоваться при выделке стрел, имеется в воинском заговоре из рукописи 1810-х гг.:

На мори на кияне, на белом камне Латыре Латыриче стоит царь жилезный от земли до неба, подпершись жилезным посыхам, закрывает и заповедает всякаму жилезу и своим детям: красному булату и синей стали, и проволоки, и всякой меди, калёным и никалёному жилезу, и стрельным, и всякому оружию, стрельным на стрелах, всякому перу лебединаму, и гусиному, и орловам, и теревам, и курином, и филивановам, и всякому перу, заморским птицам и руским. Станут вас посылать всякие воинския люди на службе, турки, татары и немцы, ливы, черкасы, черемисы, чувашы, мордва и всякие некрещёные люди...» (РЗРИ 2010:667–668).

В перечне народов в «Молитве от боя» традиционный характер имеют «турецкий», «татарский», «литовский», «немецкий», «калмыцкий», «крымский»; ср., например, в заговорах донских казаков конца XVII в.: «...нечист род от Татар и от Литвы, и от Немец, и от Турок, и от Калмыков, и от Чувашей, и от Черемис, и от Мордвы...» (Майков 1891:136).

Заговоры XVII–XVIII вв. включают названия народов, с которыми доводилось сталкиваться участникам военных походов того времени: «...от всякаго удару чистого и нечистого рускова и литовского, турского и курмыцкого, и немецкова, и бухарскова и черкаскова, аравскова, и кизылбашскова, и от арменскова...» (Смирнов 2004:23; ркп. 1650 г.); «...от русских людей, и от неверных, и от всякаго иноземца, и от татар, и от литвы, и от немцов, и от поляков, и от калмыков, и от всяких неверных иноземцов, и от черемиских татар, и ото всех вьрагов и сапустатов» (РЗРИ 2010:437); «...и от татарских, и от чуваских, и от черемиских, и от турьских, и нагайских, и от литовских, и от немецких, и от русских, и от всех нечестивых родов» (ОЧР 2010:198).

В заговоре из «Сказаний русского народа» наряду с реальными народами перечисляются экзотические названия, которые должны придать перечню аромат древности: «...от неверных людей: Нагайских, Немецких, Мордвы, Татар, Башкирцев, Калмыков, Гулянцов, Бухарцов, Кобытей, Вовулов, Бумирцов, Тур-

ченинов, Якутов, *Лунасов*, Черемисов, Вотяков, *Либанов*, Китайских людей» (Сахаров 1997:51, № 29).

В заговоре конца XIX в. со Ставрополя перечень значительно обновился по сравнению с заговорами XVII–XVIII вв., что отражает расширившийся географический горизонт составителей текстов: «Святой Михаил Архангел, избавь от всяких полчищ: литовских, немецких, всяких ногайских, турецких, *арабских, французских, прусских, шведских*, китайских и от всех несчетных родов крещёных и некрещёных!» (Семилуцкий 1897:324, № 5); «Защити меня <...> от всякого рода: русского, малороссийского, *английского*, турецкого, черкесского, калмыцкого, *шведского, арабского, прусского, французского, египетского*, китайского и нечестивых всех родов...» (Семилуцкий 1897:325, № 6).

Перечень народов из «Молитвы от боя» включает 6 прилагательных, сопоставимых по длине и морфологической структуре (4 слога, суффикс *-ск-* и окончание родительного падежа на *-ого*). Перечень задаёт определённый ритм; ср. в тексте «Тихого Дона»: «...вёшенские, каргинские, боковские, краснокутские, милютинские казаки расстреливали казанских, мигулинских, раздорских, кумшатских, баклановских казаков...» (Шолохов 1956/3:393).

Прилагательное «австрийский» в аутентичных заговорах нам не встретилось; очевидно, что оно отражает реалии Первой мировой войны и перекликается со сценами романа, в которых Григорий Мелехов сталкивается на фронте с австрийцами.

Прилагательные «нагонский» и «шилынский» на первый взгляд похожи на слова, испорченные в процессе копирования. «Нагонский», возможно, искажённое «нагайский». Какое слово могло быть на месте «шилынского», сказать трудно, однако при более глубоком исследовании оба слова оказываются вполне осмысленными и неслучайными.

Словосочетание *нагонский супостат* имеет параллель в терминологии охотников, называющих *нагоном* особый способ охоты, при котором зверя окружают *загонщики* и *гонят* в сторону засады; см.: *делать нагон* ‘нагонять дичь, зверя на охотника’ (Ряз.) (СРНГ 1983/19:208), *нагонистый пёс* ‘пёс, хорошо нагоняющий зайца’ (Даль 1881/2:395), *гонский* ‘гончий’ (Горьк.), *гонской*, *гонская собака* ‘гончая собака’ (Свердл.) (СРНГ 1972/7:12). См. также описания охоты в «Тихом Доне»: «Григорий <...> ходил с ним на охоту за стрепетами или ездил с *нагоном* на дудаков» (Шолохов 1956/2:215); «<...> сзади доспевал седой высокий кобель Ястреб — один из лучших и самый злой в *гоньбе*» (Шолохов 1956/1:202).

Глагол *нагнать* употребляется у Шолохова в словосочетаниях: *нагнать на склизкое* ‘угрожать кому-л. расправой’ (Шолохов 1956/1:41; БТСДК 2003:209), *гнать гонку* ‘ругать, бранить’ (Шолохов 1956/1:253; 1957/5:249), ср. диал. *давать нагонку* ‘сильно ругать, бранить’ (донск.) (СДГ 2007/2:8), *нагонять* ‘ругать, бранить’ (Смол.), *нагнать холоду* ‘внушить страх, пригрозить’ (Смол.) (СРНГ 1983/19:209).

Прилагательное *шилынский* образовано от существительного *шильник* (устаревшее и просторечное) ‘плут, мошенник’ (ССРЛЯ 1965/17:1395), см. также глагол *шильничать* ‘мошенничать, плутовать, обманывать’ (Даль 1882/4:633; ССРЛЯ 1965/17:1396); существительное *шильничество* (устар. простореч.) ‘плутовство, мошенничество; мошеннический поступок’ (ССРЛЯ 1965/17:1396). Слово *шильник*, по данным Национального корпуса русского языка, встречается в литературных текстах XVIII–XX вв.: «Всякий *шиль-*

ник, который наворовал деньжонок, тотчас покупает тебе титул маркиза» (Д.И. Фонвизин. К родным. 1784–1785); «Хоть три царства давай, не отдам. Такой шильник, печник гадкий! С этих пор с тобой никакого дела не хочу иметь» (Н.В. Гоголь. Мёртвые души. 1842); «А он, братец, мало что язва, плутец, шильник, — он, братец, дурак, каких свет не видывал!..» (М.А. Алданов. Чёртов мост. 1925).

Таким образом, *нагонский супостат* и *шилинский* можно понять, как ‘тот, кто угрожает расправой, бранит, ругает’ и ‘плут, мошенник’. Оба прилагательных не встречается в аутентичных воинских заговорах и скорее всего добавлены в текст самим Шолоховым.

[№ 4] Молитва при набеге [Часть 1-я]

(1) Пречистая владычица святая богородица и господь наш Иисус Христос. Благослови господи, набегу идущи раба божьего и товарищей моих, кои со мною есть.

(2) Облаком обволоки, небесным, святым, каменным твоим градом огради.

(3) Святой Дмитрий Сослуцкий, ущити меня раба божьего и товарищей моих на все четыре стороны:

(4) лихим людям не стрелять, ни рогаткою колоть и ни бердышем сечи не колоти, ни обухом прибить, ни топором рубить, ни саблями сечи не¹ колоти; ни ножом не колоти и не резати; не старому и не малому, и не смуглому, и не чёрному; ни еретику, ни колдуну² и не всякому³ чародею.

(5) Все теперь предо мною рабом божьим посироченным и судимым⁴.

«Молитва при набеге» имеет близкие параллели в публикации Л.Н. Майкова и в рукописных сборниках:

«Се аз, раб Божий (имрек), ограждаюсь солнцем во вся, *покрываюсь облаками* от земли и до небеси. Стань около раба Божия, град каменной Вифлеем! В том *граде* породила пречистая *Богородица Господа Бога нашего Иисуса Христа* и святых ангел и архангел Михаила, Гавриила, и святых преподобных отец Феодосия. Помилуйте меня, раба Божия (имрек), и моего коня обороните на все четыре стороны своим скипетром железным. Не дадут меня, раба божия (имрек), иноплеменником и *лихим людям стреляти*, копием, саблей и ножом колоти и сетчи сикерою, ни деревянною ударити, служеника своего, раба божия (имрек) святого Александр Македонскаго, *ни стару, ни младу, не чернолицу*, ни белу, ни серу...» (Майков 1891:136);

«Облекъся облацы и покрьюся небесы, защичиваюся крестом, моляся светый Гегоргей в Вифлиеме граде. И у меня, раба Божия имрока, в том граде Вифлееме иудейством породила *Пречистая Богородица* зиждителя своего *Господа* и Бога и Спаса *нашего Иисуса Христа*. И буди мне, Господи, в помощь к рабу Божию имроку и заступлением небесными силами архангелом Михаилом и Гавриилом, и с протычяими силами небесными, и светых всех великомученик, све-

---

¹ Сначала было написано *ни*, потом исправлено на *не*.

² Испр., в ркп. *колодуну*.

³ Сначала было написано *невсякому*, потом *не* и *всякому* разделено вертикальной чертой.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 143 (Шолохов М.А.), оп. 9. Рукопись романа «Тихий Дон» (кн. 1-я и 2-я). № 4. «Тихий Дон». Кн. 1, ч. 3. Л. 28 об.—29 (с. 54–55 по авторской нумерации).

таго великомученика *Димитрия Салынскаго* теми мне и обарона у раба Божия имрока со всех четырёх стран своими скипетры; не дадут на меня, раба Божия имрока, стрелою *стреляти*, ни *фагатиною* *сколоти*, ни копиями *въвергнути*, ни *саблюю* *съсечи*, ни *ножем* *зарезать*, ни *пулей* из *сенапалов* *убити*, ни *топором* *съсечи*, ни *шестоперем* *ударити*, ни *стафу*, ни *младу*, ни *смуглу*, ни *румяну*, ни *русу*, ни *чермну*, ни *белому*, ни *редкозубому*, ни *седу*, ни *видуну*, не *ведун(ь)и*» (РЗРИ 2010:436).

Текст включает 5 формул: 1) пусть Господь благословит имярека; 2) пусть имярек будет ограждён облаком и святым градом; 3) пусть Дмитрий Сослуцкий защитит имярека 4) пусть враги и колдуны не смогут повредить имяреку; 5) пусть все будут перед судимым имяреком(?).

1) Формула традиционна для воинских заговоров за исключением словосочетания «набеги идучи» (см. надписание текста «Молитва при набеге»). В аутентичных заговорах в сходных контекстах встречается: «на войну идучи», «на рать идучи», «шедше на войну», «идучи на бой битися», «идучи на ратное дело», например: «Молитва от огненного бою и от сабель и от копей и от всякого ратнево оружия *на войну идучи* и от всякого немерного меча» (Иваницкий 1890:135, № 7; вологод.); «Молитва, *шедши на войну*» (Ястребов 1894:42–43; херсон.); «Молитва царя Александра Макидонского, *идучи на бой битися...*» (ОЧР 2002:209); «Молитва от стрел, *идучи на ратное дело*» (ОЧР 2002:214). См. также «указ» из рукописи рубежа 1720–1730-х гг.: «*Пойдѣш на вылоску* против своих недругов и супостатовъ неверных и всяких людей и от всяких языков и подпояшишь ниткою шелковаю» (РЗРИ 2010:441).

2) Обороты «облаком обволоки» и «небесным, святым, каменным твоим градом огради» характерны для воинских заговоров. Первый из них связан с мотивом чудесного одевания (Топорков 2005:210–271). *Figura etymologica* *облаком обволоки* имеет параллели в воинских заговорах: *облекусь* *облаки* (Майков 1891:135), *облекъся* *облацы* (РЗРИ 2010:436); см. также в Апокалипсисе: «И видѣхъ инаго ангела крѣпка сходяща съ небесе, *оболчена во облакъ...*» (Откр. 10:1; рус. пер.: «И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, *облечѣнного облаком...*»)

Вторая *figura etymologica* также имеет параллель в Священном Писании: «...и *оградиша градъ* Давидовъ стѣною великою и крѣпкою и башнями крѣпкими, и бысть имъ въ крѣпость...» (1 Мак. 1:33; рус. пер.: «*Оградили город* Давидов большою и крепкою стеною и крепкими башнями, и сделался он для них крепостью»).

3) Появление *Дмитрия Сослуцкого* на месте предсказуемого *Дмитрия Солунского* выдаёт низкий уровень религиозного образования переписчика, однако наивно полагать, что это сам Шолохов не знал, кто такой Дмитрий Солунский и ошибочно назвал его *Сослуцким*. Поскольку в аутентичных заговорах такая форма не встречается, скорее всего она действительно внесена в текст именно Шолоховым, однако не по невежеству, а потому что, во-первых, такие наивные переосмысления имён христианских святых в целом характерны для народной традиции и, во-вторых, Шолохов часто приписывал своим персонажам забавные транскрипции незнакомых слов. Речь явно не идёт о простой описке, поскольку, во-первых, перепутать буквы *ц* и *н* довольно трудно, во-вторых, появление дополнительной буквы *с* нельзя объяснить опиской; в-третьих, написание *Сослуцкий* сохранялось в печатном тексте романа на протяжении нескольких

десятилетий, что явно свидетельствует о его неслучайном появлении в тексте. Кстати, в заново отредактированных изданиях, вышедших начиная с 1956 г., на месте *Сослуцкого* появилось правильное *Солунский*, от чего текст, конечно, только проиграл.

Можно также предположить, что прозвище *Сослуцкий* в духе народного переосмысления православного культа святых как покровителей сельскохозяйственных занятий связано со словами *случка, случать*, то есть «наивный» переписчик заговора присвоил святому функцию покровителя случки домашних животных (см. выше о написании *херувимами* вместо *херувимами*).

4) Формула традиционна для воинских заговоров.

5) Формула не характерна для оберегов от вражеского оружия. Не встречается в них и причастие *посифоченный*, которое, вероятно, внесено в текст самим Шолоховым.

Причастие *посифоченный* образовано от глагола *посифотить* ‘лишить родителей, сделать сиротой’, который встречается в прозе М.А. Шолохова. В «Тихом Доне» баба спрашивает предводителя банды Фомина: «Ты куда наших казаков хочешь пихнуть, в какую яму? Мало эта проклятая война у нас баб повдовила? Мало деток *посифотила*? Новую беду на наши головы кличешь?» (Шолохов 1957/5:425). В «Поднятой целине» Тихон Осетров говорит Давыдову о многодетном Устине Рыкалине: «А при чём тут его дети? Их воспитать трудно, а *посифотить* по нынешним временам можно в два счёта...» (Шолохов 1960/7:191–192). См. также употребление глагола *осифотить* с тем же значением: во фрагменте из части 5 (гл. XXV) «Тихого Дона», не включённом в книжный вариант романа, встречается реплика: «Казаки вон сколько шахтёрских семей *осифотили*...» (Октябрь. 1928. № 9/10. С. 152; цит. по: Венков 2000:366)¹.

В заговоре, опубликованном Л.Н. Майковым, встречается причастие *помфачённые*: «Иду я, раб божий (имрек), против своих недругов и супостатов, против огненного и неогненного, и они все *помфачённые*, аки прах пред лицом ветра...» (Майков 1891:136); см. также: «*То все мои недруги подо мною помфачены* и попыраны силою Божию невидимо, яко прах пред лицом свершением утверждённый Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и со всеми светлыми <...>» (РЗРИ, 436); «...и всемо предо мною *помфачены*, аки прах пред лицом ветра, птицы аки пред соколом дрозды (РЗРИ 2010:469); «...и сошли тринадцать бесов на *помфачение* неприятей моих...» (Ястребов 1894:42–43; рукоп., херсон.).

В Национальном корпусе русского языка приводится ряд контекстов с причастием *помфачённый* начиная с XVIII в., например: «Так можем ли и мы, яко члены преобразившиеся днесь главы нашея, можем ли и мы сметь надеяться, да подобная некая слава осияет *помфачённый* образ души нашея, и чрез то онаго великаго преображения быть участниками?» (Архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Преображения Господня. 1780); «Когда Миша входил в полутёмную залу, *помфачённый*, взволнованный, на сцене уже танцевала Истомина, расплетая жёлтую вуаль, поднимаясь на носки, кружась, изнемогая и маня, ленивый Гульям лежал на одиноком ложе, а девять муз, ссорясь в сторонке, готовили победу своей любимице» (С.А. Ауслендер. Ночной принц. 1909).

¹ См. также в «Поднятой целине» глагол *оголодить* ‘сделать голодным, лишить пропитания’ (Шолохов 1958/6:193).

Страдательное причастие *помрачённый* образовано от глагола *помрачать/помрачить* ‘делать мрачным’, ‘затемнять’; в словаре В.И. Даля приводятся примеры: «Тучи помрачают небо и солнце», «Безумие или страсти помрачают рассудок» (Даль 2002/2:275), см. также рус. *помрачнет* ‘стать печальным, хмурым’ (ССРЛЯ 1960/10:1211–1212); диал. *помрачатся* ‘становится печальным, омрачатся (о лице, взоре)’; *помраченье* ‘замешательство, растерянность’; ‘потеря рассудка, сумасшествие’ (СРНГ 1995/29:230–231).

По предположению А.Г. Боброва, в заговоре из «Тихого Дона» причастие *посироченный* могло появиться в результате неверного чтения причастия *помрачённый*, поскольку букву *м* легко принять за сочетание *си*: «Очевидно, неправильным прочтением рукописного оригинала является в “Тихом Доне” слово “посироченным” <...>. Скорее всего буква “м” была ошибочно прочитана переписчиком как две буквы: “с” + “и”, что привело к ошибочному осмыслению слова и замене “а” на “о” в третьем слове. Эта ошибка легко объясняется палеографически. Важно отметить, что смешение “м” и “с” + “и” оказывается возможным только при переписывании с рукописного, а именно скорописного протографа. Если бы протограф был печатным, такое смешение в принципе возникнуть не могло. <...> Предположить обратное соотношение, то есть первичность чтения “посироченным”, затруднительно и потому, что оно является гапаксом, нигде более не встречается (хотя словарям народных говоров известны схожие формы: “сирочество”; “посиротить”; “осиротать”; “осиротиться”; “осирочивать” и др.)» (Бобров 2012:219).

По нашему мнению, причастие *посироченным* скорее всего внесено в текст заговора самим Шолоховым, однако это не обязательно связано с ошибочным чтением причастия *помрачённым*, тем более что в заговоре Л.Н. Майкова оно употребляется в другой форме и в другом контексте («все помрачённые»). Теоретически в процессе копирования заговоров *посироченным* могло появиться на месте *помрачённым* или, наоборот, *помрачённым* на месте *посироченным*, однако каждое из этих слов могло возникнуть в тексте заговоров и вполне независимо друг от друга. Делать какие-то далеко идущие выводы на таком шатком основании было бы преждевременно.

В заговорах из «Тихого Дона» *посироченным* относится к имяреку, а в заговорах Л.Н. Майкова *помрачёнными* являются недруги и супостаты. В первом случае имярек чувствует себя потерянным сиротой, а во втором он утверждает свою победу над врагами. По-видимому, обращаясь за защитой к божественным силам, имярек мало надеялся на действенность своей просьбы, почему и называл себя *посироченным* и *судимым*. Не исключено и влияние сахаровского «Заговора ратного человека, идущего на войну», в котором добрый молодец именуется «горьким сиротиной» (Сахаров 1997:53 № 33).

[№ 5]. Молитва при набеге [Часть 2-я]

- (1) На море на океане на острове Буяне стоит столб железный.
- (2) На том столбе — муж железный подпершился посохом железным и заколе- вает он железу, булату и синему олову, свинцу и всякому стрелцу:
- (3) «Пойди ты, железо, во свою мать — землю от р<аба> б<ожья> и товарищей моих и коня моего мимо.
- (4) Стрела древоколкова в лес, а перо во свою мать — птицу, а клей в рыбу»¹.

¹ В ркп. кавычки не закрываются.

(5) Защити меня раба божья золотым щитом от сечи и от пули, от пушечного боя, ядер и рогатины и ножа.

(6) Будет тело моё крепче панцыря. Аминь¹.

Источниками данного текста могли быть «Заговор от пищалей и стрел» из собрания И.П. Сахарова и публикация Л.Н. Майкова:

«Есть море-окиан, на том море-окияне стоит столб, на том столбе стоит царь, высота его с земли и до небеси, и от востока и до запада, и от юга и до севера. И тому ж замолвит и заповедует своим языком всякому железу овому и неовому. <...> Падите, железа, в свою мать-землю! Ты же, берёза, в свою ж мать-землю, а вы, перья, в свою птицу пернату, а птица в бонт и в сыню(?), а рыба в море <...>» (Майков 1891:136);

«За дальними горами есть Окиан-море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит столб от земли до неба, от востока до запада, завещает и заповедывает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоке, свинцу, олову, серебру, золоту, камням, пищалям и стрелам, борцам и кулачным бойцам, большой завет: Подите вы: железо, камень и свинец, в свою мать землю от раба такого-то, а дерево к берегу, а перья в птицу, а птица в небо, а клей в рыбу, а рыба в море, сокройтесь от раба такого-то. <...> А будет моё тело крепче камня, тверже булату, платье и колпак крепче панцыря и кольчуги» (Сахаров 1997:46, № 18).

Те же формулы встречаются и в других воинских заговорах:

«Есть море железное, на том море железном есть столп железной, на том на железном столпу есть царь железной, стоит от востока и до заподу, оперьшиися своим железным посохом, заказывает и заповедывает детем своим, железу и булату, и уккладу красному и синему, и стреле всякой, железу простому и калёному. Пойди ты, железо, во свою мать в землю, а меня, раба Божия имфока, мима. Пойди ты, древо, к лесу, а перья во птицу, а клей вь рыбу. Светы Михайло архангель и Гавриил, и Уриел, и Арафаил, и Помагаил, херувимы и страшныя серахвимы, защитите меня, раба Божия имфока, своими злачёными щитами от меча и от тапора, и от копия, и от ножа, и от стрел, и от сулиц, и от всякого оружия нечистаго удару, и от всех нечистых орьд» (РЗРИ 2010:440).

Текст включает 6 формул: 1) на море стоит железный столб; 2) на столбе железный муж приказывает металлам; 3) пусть железо идёт в свою мать-землю; 4) пусть стрела идёт в лес, перо в птицу, а клей в рыбу; 5) пусть имярек будет защищён от пуль; 6) пусть тело имярека будет крепче панцыря.

1) См. выше комментарий к началу «Молитвы» (№ 1) и «Молитвы от боя» (№ 3). Железный столб упоминается в Библии: «И вот, Я поставил тебя ныне укреплённым городом и железным столбом и медною стеною на всей этой земле, против царей Иуды, против князей его, против священников его и против народа земли сей» (Иер 1:18). В Третьей Книге Царств рассказывается о том, что строитель Хирам отлил из меди два столба для храма и присвоил им имена: «И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне

---

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 143 (Шолохов М.А.), оп. 9. Рукопись романа «Тихий Дон» (кн. 1-я и 2-я). № 4. «Тихий Дон». Кн. 1, ч. 3. Л. 29 (с. 55 по авторской нумерации).

и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне и дал ему имя Воаз» (3 Цар 17:21).

Ритуальные столбы как объекты языческого культа многократно упоминаются в Библии: «...не поклоняйся богам их, и не служи им, и не подражай делам их, но сокруши их и разрушь *столбы их...*» (Исх 23:24); «Не делайте себе кумиров и изваяний, и *столбов не ставьте у себя*, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться пред ними, ибо Я Господь Бог ваш» (Лев 26:1); «...и жертвенники ваши будут опустошены, *столбы ваши в честь солнца будут разбиты*, и повергну убитых ваших перед идолами вашими...» (Иез 6:4).

Метафорические образы железных людей встречаются в романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Аксинья говорит о Григории: «Разве такого хворость одолеет? Он крепкий, прямо как *железный*. Такие не помирают» (Шолохов 1957/5:303). «Ермаков как-то особенно ловко, почти не касаясь луки и гривы, вскинул в седло свое сухощавое *железное тело* <...>» (Шолохов 1957/4:226). Нагульнов говорит Давыдову: «А вот ты, товарищ Давыдов, ничего этого не понимаешь. Ты — как *железный аршин-складень...*» (Шолохов 1958/1:125).

Образ «высоченного столба» в сниженном контексте фигурирует в «Поднятой целине». Кондрат Майданников мысленно обращается к «тем рабочим Запада, которые не за коммунистов»: «Продали вы нас за хорошую жалованью от своих хозяев! Променили вы нас, братушки, на сытую жизнь!.. <...> *Исделать бы такой высоченный столб, чтобы всем вам видать его было, взлезть бы мне на макушку этого столба, то-то я покрыв бы вас матерным словом!...*» (Шолохов 1958/1:149).

2) Формула в целом характерна для воинских заговоров за исключением глагола *заколеваает*. Обычно на этом месте в аутентичных текстах стоят глаголы, описывающие речевые действия: «замолвит и заповедует» (Майков 1891:136), «заказывает и заповедывает» (РЗРИ 2010:440), «сказывает и заказывает и заповедует» (РЗРИ 2010:466), «закрывает и заповедает» (РЗРИ 2010:667). Повидимому, *заколеваает* появилось на месте *заказывает* или *заповедует*, сблизившись со словами *колет*, *закалывает*; см. переносные значения глагола *колоть*: *колоть кого речами* 'корить, попрекать' (Даль 2002/2:142); в «Тихом Доне»: «Правда-матка глаза заколола...» (Шолохов 1957/4:376). Таким образом, благодаря глаголу *заколеваает* словесное воздействие «железного мужа» на вражеское оружие дополняется физическим.

3) Формула характерна для воинских заговоров, например: «Пойди ты, железо, во свою мать в землю, а меня, раба Божия имрока, мима» (РЗРИ 2010:440); имеет также параллели в книжной традиции: «*Жельзо бо изъ земли раждается, мѣдь же равню камению съчѣтся*» (Иов 28:2; рус. пер.: «Железо получается из земли; из камня выплавляется медь»); «*Вся, елика от земли, въ землю пойдуть...*» (Сир. 41:13; рус. пер.: «Всё, что из земли, возвратится в землю...»); «*И возвратится персть въ землю, якоже бѣ...*» (Еккл. 12:7; рус. пер.: «И возвратится прах в землю, чем он и был...»).

4) Формула распадаения стрелы, которая широко представлена в воинских заговорах с XVII в., «несёт в себе черты мифопоэтической архаики: стрела распадается на составные части и при этом каждая из этих частей (перо, клей, дерево и железо) возвращается в то природное состояние, из которого она была взята (птица, рыба, дерево и железо). В результате в заговор вовлекаются четыре стихии (воздух, земля, вода и огонь) и три части мироздания (небо, море и земля)» (Сазонова, Топорков 2002:273).

Слово «древоколково» восходит к диалектному (донскому) «деревокóл» и «дерьвокóл» со значением 'что-л. твёрдое, прочное, похожее по твёрдости на древесину' (СДГ 2007/2:36; см. также: БТСДК 2003:130). Словосочетание «стрела древоколкова» можно понять как «стрела, твёрдая, прочная, похожая по твёрдости на древесину». В аутентичных заговорах слово отсутствует; оно могло появиться на месте оборотов: «...древо во древо внис...» (РЗРИ 2010:667); «...поди, стрела, цевье во древа» (РЗРИ 2010:730) и под.

5) В предложении не названо лицо, к которому обращается имярек, в результате чего фраза имеет неполный вид. Обычно формула обращена к архангелу Михаилу и другим небесным силам, например: «Светы Михайло архангель и Гавриил, и Уриел, и Арафаил, и Помагаил, херувимы и страшныя серахъвимы, защитите меня, раба Божия имфока, своими злачёными щитами от меча и от тапора, и от копия, и от ножа, и от стрел, и от сулиц, и от всякого оружия нечистаго удару, и от всех нечистых орьд (РЗРИ 2010:440). Оборот «защити золотым щитом» и перечень видов оружия имеют параллели в воинских заговорах.

6) Формула «Будет тело мое крепче панцыря» характерна для воинских заговоров, однако, как правило, имеет более развёрнутый характер, а на месте «будет» стоит «буди»: «Буди на мне, рабе Божиим имроке, колпак и сермяга, кафтан, и шапъка, и рубашка крепъчая шелома и панцыря; и буди мое тело, раба Божия Никифора, (крепъчая) шелома и панцыря, и белого, и синего камени, и синего булата, и всякого железа ратнаго» (РЗРИ 2010:438); «Тела мое железное крепчая белого камени и синего булату, рубаха железная» (РЗРИ 2010:467). Подобные формулы встречаются и в текстах воинских заговоров, опубликованных И.П. Сахаровым (Сахаров 1997:46–47, № 18, 20).

Параллели в Священном Писании: «...облечётся въ броня правды и возложитъ шлемъ судъ нелицемъренъ, пріиметъ щитъ непобѣдимый преподобіе...» (Прем. 5:18–19; рус. пер.: «...облечется в броню — в правду, и возложит на Себя шлем — нелицеприятный суд; возьмнт непобедимый щит — святость...»); «И одѣяся правдою яко щитомъ, и возложи шлемъ спасенія на главу, и облечеса въ ризу отмщенія, и одеждою своею...» (Ис. 59:17; рус. пер.: «И Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою; и облекся в ризу мщения, как в одежду, и покрыл Себя ревностью, как плащом»); «Мы же, сынове суще дне, да трезвимся, обокшеса въ броню вѣры и любве и шлемъ упованія спасенія...» (1 Фес. 5:8; рус. пер.: «Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения...»).

Молитвы из «Тихого Дона» на фоне традиционных воинских заговоров

Заговоры из «Тихого Дона» представляют собой относительно целостную коллекцию текстов, объединённых общей целевой установкой, жанровой природой, надписаниями со словом «Молитва» и рядом переключек и повторов на уровне лексики и формул. Эти тексты призваны защитить воина от вражеского оружия и сочетают в себе черты заговора и молитвы. Каждый из них заканчивается словом «аминь»; в них встречаются молитвенные формулы: «Господи, благослови», «Во имя отца и сына и святого духа», «Святые отцы и небесные силы, соблюдыте меня, раба божьего». Имярек, именуемый «рабом Божиим», обращается с просьбой о защите к Христу, Богородице, св. Димитрию Солунскому. Впрочем,

в этих же текстах имярек обращается за помощью и к таким персонажам, как каменный муж и железный муж, описывает, как он забрасывает замок и ключи под бел-горюч камень Алтор, произносит заклинания стрелы. В текстах из «Тихого Дона» присутствует такой же синтез православных и фольклорных образов и представлений, какой характерен и для аутентичных воинских заговоров.

Большинство заговорных текстов из «Тихого Дона» имеют сходную трёх-частную композицию:

1) сначала описываются мифические локусы и персонажи в этих локусах (№ 1, 2, 3, 5); место действия в четырёх текстах привязано к морю-океану (№ 1, 2, 3, 4);

2) потом имярек обращается к мифическому персонажу за защитой (№ 1, 3, 4), произносит заклинательную формулу (№ 2) или описывает, как тот защищает имярека (№ 5),

3) наконец, имярек произносит формулу невозможного (№ 1, 2), заключительную молитвенную (№ 3) или заклинательную формулу (№ 4, 5). Впечатление некоторого единства возникает также благодаря тому, что в разных заговорах фигурируют одни и те же формулы, персонажи и локусы. Наиболее частотным является оборот «Меня, раба божия, и товарищей моих», который встречается 5 раз (№ 2, 3, 4). Четыре раза фигурирует просьба защитить имярека от оружия (№ 1, 3, 4). По два раза: «На море на океане, на острове Буяне» (№ 1, 4), «Замыкаю замок, кидаю ключи в океан-море» (№ 1, 2), «белый камень Алтор» (№ 2, 3). «Каменный муж» в «Молитве от боя» переключается с «железным мужем» «Молитвы при набеге». «Формула невозможного» с описанием того, как имярек бросает ключи и замок в море, фигурирует в «Молитве» и «Молитве от ружья». В текстах есть и другие переключки.

В начальной части трёх заговоров (№ 1, 3, 5) рисуется морской пейзаж с камнем или островом, на которых расположены сакральные объекты и персонажи. Формулы упорядочены ритмически, включают рифмы, анафоры и подхваты. Приведём начальные фрагменты этих текстов с условной разбивкой на стихи:

На море на океане,
на острове Буяне
стоит стол —
Христов престол.
На том Христовом престоле
препочивает матушка пресвятая богородица... (№ 1)

Есть море-океан,
на том море-океане
есть белый камень Алтор,
на том камне Алторе
есть муж каменный тридевять колен (№ 3).

На море на океане
на острове Буяне
стоит столб железный.
На том столбе —
муж железный подпершился посохом железным... (№ 5).

Локусы и персонажи начальных фрагментов заговоров № 1, 3, 5

	№ 1	№ 3	№ 5
море	море-океан	море-океан	море-океан
остров/камень	остров Буян	—	остров Буян
стол/камень/ столб	стол — Христов престол	белый камень Алтор	столб железный
сакральный персонаж	матушка пресвятая богородица	муж каменный	муж железный

При сохранении общей формальной структуры текстов и системы их пространственных образов в заговорах происходит частичное вытеснение христианских локусов и персонажей фольклорно-мифологическими: на месте Христова престола (№ 1) появляются белый камень Алтор (№ 3) и железный столб (№ 5), а на месте Богородицы (№ 1) — каменный муж (№ 3) и муж железный (№ 5).

Заговоры из романа М.А. Шолохова примерно на 70% совпадают с аутентичными заговорами от вражеского оружия, однако имеют и определённую специфику. Во-первых, «Молитва от ружья» (№ 2) производит впечатление текста, искусственно составленного из разнородных фрагментов. Во-вторых, в текстах имеется ряд слов, словосочетаний, которые не встречаются в других известных нам воинских заговорах и либо интерполированы в текст самим Шолоховым, либо взяты им из неизвестного нам сборника оберегов от вражеского оружия: *камень бел на горе, что конь; в камень нейдёт вода; ковадло; солнце и месяц светлы бывают; камень Алтор, из океан-моря вода не бежит; тфидеять колен, австрийский, нагонский супостат, шилынский, набеги идучи, посифоченный, Дмитфий Сослуцкий, заколеват, древоколкова.*

При сравнении «Тихого Дона» с публикациями аутентичных заговоров, как правило, несложно выяснить, какие слова занимали в них те позиции, на которых в романе появились авторские интерполяции. Например, причастие *посифоченный* как более «народное» могло появиться вместо более книжного *помфачённый*, хотя могло появиться в тексте и вполне независимо от *помфачённый*. Глагол *заколеват*, по-видимому, занял место глаголов *заказывает* или *заповедает*. В обоих случаях мы имеем дело не просто с описками, а с более или менее осмысленной правкой текста. Название волшебного камня *Алтор* органически встраивается в ряд других названий этого камня: *алатарь, алаторен, белатор* и др., но все же не совпадает ни с одним из названий, которые встречаются в других заговорах.

Использование диалектных слов для создания местного колорита соответствует общей стилистической тенденции первого тома «Тихого Дона». Диалектные слова призваны показать читателю, что перед ним именно казацкие заговоры, а не тексты общерусской традиции. Употребление слов с неясным значением создаёт эффект затруднённого чтения и, наряду с перечислением старинных видов оружия и этнических противников, с которыми враждовали русские в XVI—XVII вв., придаёт тексту колорит старины.

Показательно даже не то, что в текстах из «Тихого Дона» имеются словоформы и словосочетания, вызывающие вопросы у читателя, а то, что М.А. Шолохов пожелал сохранить их при публикации романа. Можно предположить, что для М.А. Шолохова была важна не столько сама подлинность заговоров,

включённых в роман, сколько имитация такой подлинности как определённая авторская установка.

Слова и словосочетания с неясным значением как правило занимают позицию в середине или в конце формулы, например: «Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный *тридевятъ колен*» (№ 3); «...от турецких боёв, от крымских и австрийских, *нагонского* супостата, татарского и литовского, немецкого и *шилынского* и калмыцкого...» (№ 3); «Все теперь предо мною рабом божьим *посифоченным* и судимым» (№ 4); «На том столбе — муж железный подпершия посохом железным и *заколеваает* он железу...» (№ 5).

Хотя значение выделенных слов не поддаётся однозначно словарному толкованию, как правило, читатель может угадать общий смысл фразы на основании контекста, грамматических показателей и внутренней формы. Можно проделать несложный эксперимент, заменив выделенные слова теми понятными словами, которые занимают сходные позиции в воинских заговорах, например: «Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный, [всякому камню отец и мать]» (№ 3); «...от турецких боёв, от крымских и австрийских, [нагайского] супостата, татарского и литовского, немецкого и [латынского] и калмыцкого...» (№ 3); «На том столбе — муж железный подпершия посохом железным и [заказывает] он железу...» (№ 5). Тексты становятся понятнее, однако утрачивают отчасти свою экспрессивность и эффект «фасцинации»¹.

Обереги из «Тихого Дона» в целом короче и лаконичнее, чем большинство известных нам рукописных воинских заговоров. Например, в «Молитве» «Христов престол» стоит посреди моря на острове Буяне (№ 1), хотя в более развёрнутых текстах указывается, что престол стоит не на самом острове, а в церкви, которая стоит на камне, расположенном на этом острове. В «Молитве при набеге» имярек просит оградить его «небесным, святым, каменным» градом (№ 4); в аутентичных же текстах разъясняется, что этот град Вифлеем, в котором Владычица родила Христа. В «Молитве от ружья» в перечне недругов указаны колдун и колдуница, чернец и черница (№ 2), в то время как в воинских заговорах фигурируют часто дополнительно девицы, молодичи, еретики и др. В формуле «Защити меня раба божья золотым щитом от сечи и от пули, от пушечного боя, ядер и рогатины и ножа» (№ 5) пропущено имя персонажа, к которому обращается имярек. Формула «Будет тело моё крепче панцыря» (№ 5) представлена обычно в более развёрнутом виде, а глагол «будет» употреблён в повелительном наклонении «буди», что придаёт тексту более экспрессивный характер.

Если старинные обереги от вражеского оружия заносились в рукописные книжки и могли занимать десятки страниц, то заговоры из «Тихого Дона», судя по тексту романа, помещались на одном листке. Объём воинских заговоров создавался в основном за счёт многократных повторений одних и тех же формул и целых блоков, включающих сходные формулы в одной и той же последовательности. В заговорах из романа традиционные магические формулы сведены к необ-

¹ «Фасцинация (*лат.* *fascinatio* — околдовывание, зачаровывание, заволаживание) — термин психологии, обозначающий специально организованное словесное воздействие на человека, обладающее повышенной силой убеждения и/или внушения» (Мечковская 1998:45, прим.*).

ходимому минимуму: в перечислительных формулах опущены отдельные звенья, отсутствуют повторы крупных фрагментов текста.

Тенденция к сокращению текстов характерна в целом для воинских заговоров XIX в. Кроме этого, южнорусские заговоры, как правило, меньше по размеру, чем севернорусские. В этом отношении заговоры из «Тихого Дона» соответствуют общим тенденциям развития заговорной традиции в южнорусском регионе. Иными словами, если бы перед нами была подлинная рукопись, скопированная донскими казаками в 1914 г., то скорее всего она бы не сильно отличалась от заговоров из «Тихого Дона», хотя в ней вряд ли были бы характерные для Шолохова диалектные слова и образы индивидуально-авторского происхождения.

Заговоры из романа имеют ряд параллелей в публикации Л.Н. Майкова. Например, в «Молитве» есть оборот «стол — Христов престол» (№ 1), который у Майкова встречается трижды в форме «Стол, Господень престол», а в других воинских заговорах, кажется, неизвестен. Первая «молитва», зачёркнутая в рукописи, почти целиком состоит из формул, которые встречаются в заговорах донских казаков, опубликованных Л.Н. Майковым, однако это не обозначает, что Шолохов составил этот текст, «поколдовав» над ним. Такой текст вполне мог сформироваться и в самой рукописной традиции. Впрочем, в заговорах из «Тихого Дона» есть и ряд формул, которых нет в публикации Л.Н. Майкова.

Шолохов безусловно привлекал и тексты из книги И.П. Сахарова «Сказания русского народа». Сравнение: «...как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы» (№ 2) восходит к «Заговору на железо, уклад, сталь, медь» (Сахаров 1997:47–48, № 21). Обороты «Как молот отпрядывает...» — к «Заговору от ратных орудий»: «...как от воды камни отпрядывают...» (Сахаров 1997:47, № 19). Оборот «...камень Алтор, не видный ни колдуну, ни колдуннице...» (№ 2) напоминает «Заговор на любовь»: «...камень Алатырь, никем неведомый...» (Сахаров 1997:61, № 50). Вторая часть «Молитвы при набеге» (№ 5) близка «Заговору от пищалей и стрел» (Сахаров 1997:46, № 18). «Молитва от ружья» (№ 2) в целом напоминает тексты И.П. Сахарова, хотя и не совпадает буквально ни с одним из них так же, как «Молитва» (№ 1) близка текстам, опубликованным Л.Н. Майковым, но ни одному из них не идентична.

При всей вероятности того, что Шолохов знал публикации Л.Н. Майкова и И.П. Сахарова, очевидно, что они не были его единственными источниками. Скорее всего, кроме этих публикаций, в распоряжении Шолохова был какой-то рукописный сборник воинских заговоров. Это доказывается тем, что в заговорах из «Тихого Дона» есть такие элементы, которые отсутствуют и у И.П. Сахарова, и у Л.Н. Майкова, однако имеются в других сборниках воинских заговоров и не являются авторским вымыслом М.А. Шолохова. Например, в «Тихом Доне» все воинские заговоры названы «молитвами», что соответствует надписаниям текстов в ряде рукописных сборников. Между тем в публикации Л.Н. Майкова есть общий заголовок «Заговоры донских казаков», а отдельные тексты заглавий не имеют. В собрании И.П. Сахарова все тексты называются заговорами: «Заговор от пищалей и стрел», «Заговор от ратных орудий» и т.д. Аналогичным образом ни у И.П. Сахарова, ни у Л.Н. Майкова нет такого мифического персонажа, как «каменный муж», который есть и в заговорах из «Тихого Дона», и во многих подлинных воинских заговорах.

У Шолохова могла быть под руками какая-то рукопись воинских заговоров и, кроме того, публикация Л.Н. Майкова (например, в виде выписки из «Живой старины») и книга И.П. Сахарова (целиком или в виде выписки из неё или, на-

пример, из «Русского народа» М. Забылина). Вполне возможно, что в рукописи воинских заговоров имелись пропуски, плохо читаемые фрагменты, разного рода ошибки и описки. М.А. Шолохов скорее всего не просто копировал свои источники, но творчески перерабатывал их, вставляя отдельные слова и обороты, заменяя одни слова другими, сокращая длинноты и т.д.

Что касается «Молитвы от ружья», которая занимает особое место в подборке заговоров из «Тихого Дона», то этот текст мог быть составлен самим Шолоховым из отдельных формул аутентичных заговоров и текстов Сахарова, которые он переработал и дополнил авторскими оборотами: «Лежит камень бел на горе, что конь», «В камень нейдёт вода...», «За горой замок, замкну тот замок...», «Из океан-моря вода не бежит...» (№ 2). Авторскими интерполяциями могут быть слова: *ковадло* (№ 2), *австрийский*, *нагонский супостат*, *шильинский* (№ 3), *посифоченный* (№ 4), *древоколкова* (№ 5). Словосочетания *камень Алторф*, *тридевяты колена*, *набеги идучи*, вероятно, либо были в той рукописи, которой пользовался Шолохов, либо возникли в процессе копирования в результате ошибок или целенаправленной правки прототекста. Если верно, что Шолохов пользовался каким-то рукописным сборничком, скопированным в начале войны, то прилагательное *австрийский* скорее всего было добавлено в него при переписывании в 1914 г. или несколько позднее; могло оно быть включено в текст и самим Шолоховым в ходе работы над романом в 1926 г.

Подведём некоторые итоги.

1) В основе заговоров из «Тихого Дона» лежат реальные тексты воинских заговоров, известные в рукописях XVII–XIX вв. на обширной территории проживания русских, украинцев и белорусов, в том числе донских казаков и населения южнорусских земель.

2) В традиции воинских заговоров имеются по меньшей мере четыре рукописных сборника, наиболее близких заговорам из «Тихого Дона». Один из был опубликован Л.Н. Майковым и, вероятно, использовался Шолоховым. Три других увидели свет только в 2010 г. и не могли быть знакомы Шолохову.

3) По всей вероятности, в распоряжении Шолохова был какой-то рукописный сборничек воинских заговоров, который он мог получить, например, от одного из своих односельчан. К этой рукописи могут восходить и сами тексты молитв, и их надписания: «Молитва», «Молитва от ружья», «Молитва от боя», «Молитва при набеге».

4) Возможность того, что Шолохов мог услышать воинские заговоры от одного из своих односельчан или кого-либо другого, крайне мало вероятна. То, что мы знаем о традиции бытования воинских заговоров, согласуется с эпизодом копирования этих текстов в романе. Формульная структура воинских заговоров, их синтаксис и лексика, наличие ряда переключек с библейскими текстами также связаны с рукописной формой функционирования.

5) Первая «Молитва», зачёркнутая в рукописи и не включённая в окончательный текст романа, наиболее близка донским заговорам, опубликованным Л.Н. Майковым, и могла быть составлена Шолоховым на основе публикации в «Живой старине» или переписана с неизвестного нам протографа.

6) Второй текст («Молитва от ружья»), вероятно, составлен самим Шолоховым с использованием отдельных формул аутентичных воинских заговоров и текстов из «Сказаний русского народа», частично сочинённых самим И.П. Сахаровым.

7) Остальные заговоры в целом близки аутентичным рукописным воинским заговорам, однако, по-видимому, были несколько переработаны Шолоховым, который ввёл в них отдельные диалектные и просторечные слова, привязывающие тексты к донским казачьим станицам эпохи Первой мировой войны.

8) Заговоры, включённые в «Тихий Дон», выполняют в тексте романа определённые художественные функции: демонстрируют смешение христианских верований и фольклорных образов, выявляют культурный уровень казаков — хранителей и переписчиков заговорных текстов и т.д.

9) Предложенная нами концепция имеет гипотетический характер, однако она позволяет прояснить некоторые особенности заговоров из «Тихого Дона», в частности, двойственное отношение к публикациям И.П. Сахарова и Л.Н. Майкова. Заговоры из романа в отдельных моментах явно зависят от этих публикаций, однако в целом имеют самостоятельный характер.

10) Интерпретируя случаи «неправильного» употребления слов (например, *Сослуцкий* вместо *Солунский*), следует исходить из того, что мы имеем дело с художественным текстом, а не с неграмотной копией грамотного оригинала.

Подтвердить наши гипотезы или опровергнуть их могла бы находка того сборника рукописных воинских заговоров, который, как мы предполагаем, использовал Шолохов. Следует искать рукописи заговоров среди материалов М.А. Шолохова и его друзей и коллег¹, а также в других архивных фондах. К сожалению, солдатские заговоры XX в. пока не собраны, а их функционирование не описано.

Библиографический список

Агапкина 2010 — Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.

Агапкина, Топорков 2014 — Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / Авторы-составители Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М., 2014.

Аникин 2007/1 — Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1.

Афанасьев 1862 — Несколько народных заговоров / Сообщены А.Н. Афанасьевым // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4. Отд. III. С. 72–80.

Блохин 1889 — Блохин С.А. Заговоры // Труды Орловской архивной комиссии. Орёл, 1889. Вып. 5. С. 12–20.

Бобров 2012 — Бобров А.Г. О заговорах и заклинаниях в русской литературе // Русская литература. 2012. № 3. С. 214–222.

Бобров 2012а — Бобров А.Г. Заговоры из «Тихого Дона» и сборник магических текстов из Каргополя // Восьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб., 2012. С. 8–19.

Бондарь 2004 — Бондарь Н.И. Воинские охранительные молитвы и заговоры кубанских казаков // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004. С. 247–251.

---

¹ Предпринятые нами разыскания в личном фонде М.А. Шолохова, хранящемся в Рукописном отделе ИМЛИ, к сожалению, не дали результатов. Поскольку большая часть архива писателя погибла во время Великой Отечественной войны, в ИМЛИ мало материалов М.А. Шолохова 1920-х гг.

Борисовский 1875 — *Борисовский А.* Приметы, обычаи и пословицы в пяти волостях Нижегородского уезда // Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1875. Т. 5. С. 259–276.

БТСДК 2003 — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Вельмезова 2004 — *Вельмезова Е.В.* Чешские заговоры: Исследования и тексты. М., 2004.

Даль 1880–1882/1–4 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.; М., 1880. Т. 1–4.

Елеонская 1917 — *Елеонская Е.Н.* К изучению заговора и колдовства в России. [М.], 1917. Вып. 1.

Елеонская 1994 — *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. М., 1994.

Ефименко 1874 — *Ефименко П.* Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874 (Чтения в имп. О-ве истории и древностей российских при Москов. ун-те. 1874. Кн. 1).

Ефименко 1878 — *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2 (Тр. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; Т. 30; кн. 5; вып. 2).

Забылин 1880 — Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М., 1880.

Зенбицкий 1907 — *Зенбицкий П.* Заговоры (конца XVII века) // Живая старина. 1907. Вып. 1. Отд. II. С. 1–6.

Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890 (Изв. имп. О-ва естествознания, антропологии и этнографии. Т. 69. Тр. Этногр. отдела. Т. 11. Вып. 1).

Ковпик 2013 — *Ковпик В.А.* К вопросу о происхождении воинских заговоров в рукописном сборнике каргопольской крестьянки Анастасии Вишняковой // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 4–17.

Коровашко 2009 — *Коровашко А.В.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М., 2009.

Короленко 1892 — *Короленко П.П.* Черноморские заговоры // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892. Т. 4. С. 274–282.

Лосев 1906 — *Лосев С.А.* Маленькая находка // Олонец. губ. вед. 1906. № 90. 22 авг. С. 3.

Майков 1869 — *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 417–580.

Майков 1891 — *Майков Л.Н.* Заговоры донских казаков (Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А.Ф. Бычкову) // ЖС. 1891. Вып. 3. С. 135–136.

Майков 1992 — Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова. СПб.; Париж, 1992.

Макаров 2010 — *Макаров А.Г.* Очерк Ф. Крюкова «Обыск»: К вопросу о генезисе некоторых эпизодов в романе «Тихий Дон» // Загадки и тайны «Тихого Дона». Двенадцать лет поисков и находок. Самара, 2010. С. 332–335.

Минх 1890 — *Минх А.Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки Саратовской губ. // Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. СПб., 1890. Т. 19. Вып. 2. С. 1–152.

Миртов 1919 — *Миртов А.В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929 (Тр. Сев.-Кавказ. ассоциации научно-исследовательских институтов. Вып. 6. № 58).

Михаил Шолохов 2011 — *Михаил Шолохов.* Тихий Дон. Динамическая транскрипция рукописи / [Редкол.: Г.Н. Воронцова (отв. ред.) и др. Подг. текста О.Я. Алексеевой и др.; вступ. ст. Г. Воронцовой]. М., 2011.

Орлов 1879 — *Орлов В.* Нашёптывания и наговоры так называемых знахарей // Донские епарх. вед. 1879. № 18. С. 678—684; № 19. С. 716—726.

ОЧР 2002 — Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002.

Перетц — *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин 18—20 февраля 1914 г. Киев, 1914. С. 74—79 (VIII. Занятия Л.Т. Белецкого).

Проценко 1998 — *Проценко Б.Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д., 1998.

Проценко 2003 — *Проценко Б.Н.* Фольклор в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» и духовная культура донских казаков // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научной конференции. М., 2003. Вып. 5. С. 125—133.

Проценко 2010 — *Проценко Б.Н.* Заговоры, обереги, поверья, приметы. Духовная культура донских казаков. Ростов н/Д., 2010.

РЗЗ 1998 — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998.

РЗРИ 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. М., 2010.

РКЖБН 2007/5/4 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский уезд. СПб., 2007.

Романов 1891 — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5.

Сазонова, Топорков 2002 — Заговоры от вражеского оружия в сборнике XVIII в. (Публикация Л.И. Сазоновой, А.Л. Топоркова) // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 268—290.

Сахаров 1836 — Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. СПб., 1836.

Сахаров 1837 — Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. 2-е изд. СПб., 1837.

Сахаров 1841—1849/1—2/1—8 — Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 1—4; 1849. Т. 2. Кн. 5—8.

Сахаров 1885/1—2 — *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. СПб., 1885. Кн. 1—2.

Сахаров 1997 — *Сахаров И.П.* Русское народное чернокнижие. СПб., 1997.

СДГ 2007/2 — Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Волгоград, 2007. Вып. 2.

Семилуцкий 1897 — *Семилуцкий А.* Село Покойное Ставропольской губернии Новогригорьевского уезда // Сб. материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. Т. 23. С. 253—356.

Смирнов 2004 — Смирнов М. «Воровские» письма (Из быта и нравов XVII ст.) // Докл. Переславль-Залесского научно-просветит. о-ва. М., 2004. Т. 6. С. 19–26.

Соболева 2005/1–2 — Соболева Л.С. Рукописная литература Урала: Наследование традиций и обретение самобытности. Очерк 1-й. Рукописный облик устного слова. Екатеринбург, 2005.

Соколов 1892 — Соколов А. Заговоры // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те. 1892. Т. 10. Вып. 2. С. 232–234.

СРНГ 1965—/1 — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1.

ССРЯ 1948–1965/1–17 — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.

Срезневский 1902 — Срезневский В. Отчёт Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук о поездке в Вологодскую губернию. (Май — июнь 1901 года) // Изв. Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1902. Т. 7. Кн. 4. С. 128–245.

Тихонравов 1859 — Заговоры на оружие [Публ. Н.С. Тихонравова] // Летописи русской литературы и древности. 1859. Т. 2. Кн. 4. С. 103–105.

Топорков 2005 — Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005.

Шолохов 1956, 1957, 1958 — Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1956–1960. Т. 2–5 — Тихий Дон: Кн. 1-я — 4-я: Т. 5–6 — Поднятая целина: Кн. 1–2.

Щапов 1863 — Щапов А.П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого). Приложение I. Заговоры, извлечённые из рукописей старообрядческих // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. 117. № 1. Отд. IV. С. 54–63.

ЭСБМ 1978–1988/1–4 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–1988. Т. 1–4.

Юдин 1997 — Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Янович 1903 — Янович В.М. Пермяки // Живая старина. 1903. № 1/2. С. 52–171.

Ястребов 1894 — Ястребов В.Н. Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894.

Grmela 1906 — Grmela J. Zaklínání na Pačlavsku v okrese Kroměřířském na Moravě // Český lid. — 1906. — N 15. — S. 379–383, 426–430.

НБУ — Научно-исследовательский отдел рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев).

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).